

**Р.Т. МУХАЕВ
А.И. ЖДАНОВ**

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ

ТРАЕКТОРИЯ И МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

МОНОГРАФИЯ

znanium.com
электронно-библиотечная система

Москва
ИНФРА-М
2023

УДК 321.7(075.4)
ББК 66.031.1
М92

Рецензенты:

А.В. Брега — доктор политических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

А.Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мухаев Р.Т., Жданов А.И.

М92 Демократический транзит: траектория и модели политической трансформации : монография / Р.Т. Мухаев, А.И. Жданов. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 142 с.

ISBN 978-5-16-019437-0 (print)

ISBN 978-5-16-112076-7 (online)

Подвижность политических изменений и множественность детерминант, обуславливающих их течение, делают их достаточно сложным объектом для исследования. Тем более непредсказуем процесс неконтролируемых изменений (политических революций), когда общество переходит от одного типа развития и политической системы к другому. Так случилось в 90-е годы XX века со странами «реального социализма» в Восточной Европе и СССР. Авторы монографии задалась вопросом: «Насколько релевантна методология политического транзита, разработанная западными экспертами, для анализа политических трансформаций в бывших социалистических странах?» В этих странах было общество, которое нельзя назвать традиционным; в технологическом плане они были достаточно продвинуты; в них формировался средний класс. Тем не менее демократический транзит в этих государствах имел свои особенности, которые определили разные результаты. Понимание логики и траектории политической трансформации в каждом случае, выявление закономерностей политического транзита 1990-х годов в постсоциалистических странах и составляют цель данного исследования.

Для студентов, аспирантов и преподавателей политологических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами политических изменений.

УДК 321.7(075.4)
ББК 66.031.1

ISBN 978-5-16-019437-0 (print)
ISBN 978-5-16-112076-7 (online)

© Мухаев Р.Т., Жданов А.И., 2023

Individuals may form communities,
but it is institutions alone that can create a nation.

Benjamin Disraeli

Предисловие

На рубеже 80–90-х гг. XX века произошел глобальный сдвиг в мировой политической системе: число демократий, неуклонно увеличивавшееся с начала 1970-х годов, превысило число автократий. Так, данные проекта *Polity IV* указывают на то, что число «полных демократий» (*full democracies*) в мире возросло с 44 в 1985 г. до 93 в 2005 г. За два десятилетия число демократических режимов увеличилось более чем в 2 раза, в то время как количество автократий уменьшилось вдвое. Такое стремительное развитие представляло собой глобальную волну демократии¹. При этом самые масштабные режимные изменения произошли в странах Восточной Европы и СНГ. Общее количество демократических режимов в Европе увеличилось с 15 до 30 за 6 лет. С. Хантингтон называл это явление «третьей волной демократизации» и характеризовал его как «одно из наиболее значимых изменений в истории человечества». Значительное расширение ареала демократии широко рассматривалось как создание возможностей для более процветающего, благополучного и гуманного мира. Политологи с большим энтузиазмом оценивали демократические тенденции последних десятилетий, Ф. Фукуяма охарактеризовал триумф либеральной демократии как «конец истории». По его мнению, с крушением коммунизма более нет альтернативных моделей, которые могли бы бросить вызов

¹ *Haerpfer C.W. Democratization. Oxford University Press, 2009. С. 32.*

притязаниям либеральной демократии на становление лучшей формой организации общества¹.

Однако события XXI века дают гораздо меньше поводов для подобного рода исторического оптимизма. Не все страны, порвавшие в 90-е с тоталитарным наследием, завершили демократический транзит, в итоге придя к консолидированной демократии. Белоруссия, Российская Федерация и Казахстан в отчетах *Polity IV* фигурируют как автократические государства; Украина, Румыния и Болгария — как «неполные демократии». Лишь немногим странам советского блока (Чехии, Словакии, Венгрии, Польше) удалось достичь показателей, необходимых для того, чтобы считаться консолидированными демократическими режимами наравне со «старыми» западноевропейскими демократиями. При этом умалчивается роль США и ЕС в этом успехе.

В отечественной политической науке до сих пор отсутствует четкое понимание причин провала демократических реформ, проводимых первым президентом России Б.Н. Ельциным. Пробелы в представлениях о политических процессах, проходящих в России 1990-х, не только не дают ответа на вопрос, какие ошибки были совершены во время перехода от советской политической системы к либеральной демократии, но и не позволяют нам получить адекватное представление о том, каким образом в будущем необходимо планировать ход каких-либо социально-политических преобразований. Отсутствие научно-обоснованного объяснения различий между траекториями демократического транзита в Польше, Вен-

---

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015.

грии, Чехии, Словакии, странах Балтии с одной стороны, и Болгарии, Румынии, Молдавии, Украине, России, Белоруссии, Казахстане с другой, при условии равных стартовых позиций в указанных странах, приводит к распространению разного рода спекуляций, которые еще больше отдаляют нас от осмысления вектора исторического развития в современную эпоху стран Восточной Европы в целом и России в частности.

Актуальность изучения демократического транзита в Восточной Европе заключается в незавершенности имплементации демократических практик — как в России, так и во многих других постсоветских государствах. Изучение факторов, повлиявших на ход демократического транзита, позволит осмыслить причины неудачи демократических реформ в России в 90-х годах XX века и определить магистральный путь для успешных демократических преобразований.

Глава 1

ТРАЕКТОРИИ

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО

ТРАНЗИТА: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

1.1. МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Специфика политических изменений состоит в высокой подвижности и чрезмерной гетерогенности причин, задающих логику поведения акторов политического действия. Быстроменяющаяся комбинация экзогенных и эндогенных факторов порождает неопределенность процедур и результатов политических коммуникаций, призванных ответить на вызовы времени. Тем более, когда объектом анализа выступают процессы, ведущие к слому существующего экономического и политического порядка, подобно изменениям 1990-х годов в странах «реального социализма», переходящих от коммунизма к либеральной демократии.

В качестве инструмента исследования столь подвижных практик используется мультипарадигмальная парадигма, включающая в себя в том числе «идеально-типический» подход к анализу трансформации системных свойств общественной системы, который был сформулирован М. Липсетом¹. Методологические предпосылки этого подхода, содержащие многомерные корреляции структур

¹ *Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.*

и практик индивидуального поведения, представлены в работе П. Лазерсфельда «Интерпретация статистических отношений как исследовательская процедура»¹. Проблема заключается лишь в степени корректности экстраполяции универсальных схем тотальных социальных систем на анализ конкретных исторических ситуаций. Последствия использования статистических данных для верификации успеха/провала демократического транзита как технологии формирования политической системы, основанной на примате прав и свобод человека, ответственности правительства перед гражданами, всегда могут быть подвергнуты критике из-за различий стартовых условий транзита, на которые накладываются универсальные схемы. Эмпирическая база данного исследования представлена посткоммунистическими странами, осуществлявшими демократический транзит на рубеже XX–XXI веков: Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния, Молдавия, Украина, Белоруссия, Россия и Казахстан. Анализ строится на допущении, что на момент начала демократических реформ эти страны находились в примерно равных стартовых условиях (экономических, культурных, политических, социальных и др.), и что иные факторы, которые могли бы повлиять на ход транзита в одной стране, но при этом отсутствовали бы в другой, не обладают достаточной значимостью (цивилизационные, исторические геополитические и др.).

При этом из сравнительного анализа исключены страны Балтии, ввиду малых размеров и невозможности

¹ *Ross Eva J., Lazarsfeld P.F., Rosenberg M. The Language of Social Research // The American Catholic Sociological Review. 1955. № 16 (3). С. 220. URL: <https://doi.org/10.2307/3709486>.*

их взвешенного сравнения с другими странами Восточной Европы; страны бывшей Югославии, из-за происходивших там на момент транзита межрелигиозных и межнациональных конфликтов; а также страны Кавказского региона и Средней Азии ввиду их специфики и наличия значимых религиозных и цивилизационных особенностей, отсутствующих у иных посткоммунистических стран. Казахстан был добавлен для очевидного примера страны с неудавшимся демократическим транзитом.

Исследование опирается на предположение о том, что причины несходства процедур и результатов транзита обусловлены различиями в комбинациях эндогенных и экзогенных факторов, всякий раз определявших выбор стратегии транзита, его траекторию, структуру политических сил, их возможные коалиции и ресурсные возможности в конкретной стране.

Общепризнанной типологией этапов демократического транзита является парадигма переходных преобразований, которую предложили Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер. Она включает три последовательные стадии трансформации авторитарных систем при переходе к демократии, каждая из которых создает предпосылки для изменения системных свойств существовавших порядков при их транзите к демократии:

- *либерализация* характеризуется нестабильностью и разнонаправленностью внутренних процессов, вызванных переходом к индивидуальной свободе; возникновением кризиса идентичности, падением авторитета власти, выявлением недостатков институциональной системы; установлением «дозированной демократии»,

легитимизирующей сторонников преобразований в политическом пространстве;

- *демократизация* выражается в институционализации демократических ценностей, норм и процедур, в процессе которой происходит внедрение демократических институтов (выборов, партий) в политическую систему общества;
- *консолидация демократии* заключается в необратимости демократических преобразований, т.е. в добровольном принятии новых институтов и процедур всеми ключевыми участниками политического процесса как единственно правильных и всеобще приемлемых¹.

Данная методологическая матрица используется для описания системных трансформаций в посткоммунистических государствах на рубеже XX–XXI веков.

1.2. ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАЗНЫХ СЦЕНАРИЕВ БУДУЩЕГО

Процесс либерализации в странах Восточной Европы начался задолго до старта демократического транзита. Особенно заметно это было в **Польше**, где в 1980 г. был основан профсоюз «Солидарность», лидеры которого, после 8 лет борьбы, в 1988 г. склонили Председателя Государственного Совета ПНР Войцеха Ярузельского к переговорам. Растущее гражданское общество, включающее в себя католическую церковь, правозащитное движение, трудовые союзы (одним из первых был Комитет защиты рабочих, многие члены которого впоследствии стали ак-

¹ *O'Donnell G., Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. С. 96.

тивистами «Солидарности» и значимыми политиками посткоммунистической Польши), вынудило власти к проведению полномасштабных переговоров в 1989 г., по итогам которых произошла легализация «Солидарности», политические реформы, включающие право на свободу слова и свободу собраний, демократические выборы, независимый суд и экономические преобразования. По итогам «круглого стола» в Польше появился качественно новый парламент, где в Сенате кандидаты от «Солидарности» получили 99 голосов из 100, а в Сейме 161 место из 460. После мирного политического процесса 7 сентября 1989 г. к власти пришло первое некоммунистическое правительство во главе с представителем «Солидарности» советником Леха Валенсы Тадеушем Мазовецким. В следующем году лидер «Солидарности» Лех Валенса стал президентом Польши, положив начало новому курсу в развитии страны.

Аналогичную роль в истории **Чехословакии** сыграла организация диссидентов под названием «Хартия-77». Ее основатели затем стали ведущими общественными и политическими фигурами в стране после Бархатной революции 1989 г. Во время протестов, происходивших с 17 ноября по 29 декабря 1989 г., один из авторов «Хартии-77» Вацлав Гавел основал общественно-политическую организацию Гражданский форум, в который объединились представители чехословацких оппозиционных организаций. В условиях всеобщих забастовок последний коммунистический премьер-министр Чехословакии Ладислав Адамнец был вынужден перейти к переговорам с оппозицией. По итогам Бархатной революции КПЧ лишилась властных полномочий, а Вацлав

Гавел стал президентом Чехословакии, в стране были проведены политические реформы, по итогам которых в 1990 г. прошли выборы в Федеральное собрание Чехословакии, где большинство получил Гражданский форум и другие оппозиционные партии.

В **Венгрии** организацией, объединившей вокруг себя оппозиционно настроенных интеллектуалов, стал Венгерский демократический форум. Растущее влияние гражданского общества Венгрии во главе с ВДФ склонило правительство к переговорам, так называемым «венгерским круглым столам», начавшимся в июне 1989 года. Весной 1990 года ВДФ выиграл первые свободные парламентские выборы после окончания коммунистического правления в Венгрии, набрав 24,7% голосов и 164 из 386 мест, а лидер Форума стал премьер-министром. В качестве еще одного признака быстрых политических изменений правительство санкционировало и приняло участие в официальном перезахоронении бывшего лидера Имре Надя, который был свергнут в 1956 году, когда советские танки подавили народное восстание¹. Легкость политической либерализации в Венгрии можно объяснить тем фактом, что масштабная экономическая либерализация началась еще в 1982 году. В этот период появилось новое законодательство, которое предоставило гражданам права частной собственности во многих сферах «второй» (неподконтрольной государству) экономики, что привело к образованию благоприятных условий для консолидированной

¹ *McColm B. Freedom in the World. Political Rights & Civil Liberties 1989–1990. Boston: Freedom House, 1990. С. 125.*

демократии. Х. Линц и А. Степан охарактеризовали этот феномен как «экономическое общество»¹.

Как можно констатировать, процесс либерализации в Польше, Чехословакии и Венгрии протекал по одним и тем же лекалам. Зарождалась группа интеллектуалов, противодействующая коммунистическому режиму и способствовавшая наступлению либерализации. Для этих целей проводилась просветительская и организационно-политическая работа. С ростом влияния оппозиционных организаций и в условиях преимущественно мирного ненасильственного протеста коммунистические лидеры указанных стран были вынуждены пойти на уступки, расширяя политическую, социальную и экономическую либерализацию, после чего, с увеличением возможностей для политического представительства, лидеры новых демократических структур приходили к власти. Данная модель акторно-ориентированных действий полностью укладывается в схему успешного демократического транзита, разработанную Адамом Пшеворским в его исследовании «Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке»². Согласно концепции Пшеворского высвобождение из-под авторитаризма может произойти только в результате взаимопонимания между реформаторами и умеренными. Оно возможно, если, во-первых, реформаторы и умеренные достигают соглашения об институтах, при которых представляемые ими социальные силы

¹ *Haerpfer C.W.* Democratization. Oxford University Press, 2019. С. 229–230.

² *Przeworski A.* Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. С. 121.

имели бы заметное политическое влияние в демократической системе; во-вторых, реформаторы в состоянии добиться согласия сторонников твердой линии или нейтрализовать их; в-третьих, умеренные способны контролировать радикалов. Возможные итоги демократического транзита представлены Пшеворским в таблице 1¹.

Таблица 1

Варианты взаимодействия политических акторов

Модели коалиций и типы режимов		Элиты сотрудничают	
		с радикалами	с реформаторами
Реформаторы объединяются	со сторонниками жесткой линии	Авторитарный режим сохраняется в прежней форме	Авторитарный режим сохраняется с уступками
	с умеренными	Демократия без гарантий	Демократия с гарантиями

Польша, Венгрия и Чехословакия — посредством широкомасштабных переговоров, «круглых столов» и «бархатных» преобразований — во многом предопределили свое движение по пути к консолидированной демократии с «гарантиями» для всех задействованных политических акторов.

Несколько по иному пути проводилась либерализация в Балканских государствах: Болгарии и Румынии. Стартом к началу преобразований послужили изменения в элите, а не давление гражданского общества. 10 ноября 1989 г. лидер **Болгарии** Тодор Живков, начинавший свою политическую карьеру еще во время руководства СССР И. Сталиным, был смещен Политбюро ЦК Болгарской

¹ *Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. С. 121.*

коммунистической партии. В 1991 г. он был отдан под суд. Смена руководства подстегнула оппозицию к борьбе за власть, однако на первых свободных выборах в Болгарии, прошедших в 1990 г., оппозиционно настроенный Союз демократических сил уступил большинство Болгарской социалистической партии (преобразованной партии болгарских коммунистов). Из-за произошедшей деконсолидации государственных институтов Болгарию весь 1990 г. сотрясала волна политических отставок, конфликтов и уличных стычек. Тем не менее, в декабре 1990 г. удалось сформировать коалиционное правительство, которое развернуло серию экономических реформ, утвердило новую конституцию и провело выборы в Народное собрание Болгарии, на которых победу одержал Союз демократических сил, заняв 110 мест из 240.

Еще более радикально политическая либерализация была произведена в **Румынии**. В декабре 1989 г. коммунистический лидер Н. Чаушеску был свергнут силовым путем и расстрелян, множество людей в результате столкновений было убито, а к власти пришел Фронт национального спасения во главе с бывшим коммунистическим аппаратчиком Ионом Илиеску.

Таким образом, можно констатировать, что действия акторов демократического транзита в Балканских странах разительно отличались от тех, что предпринимали лидеры либерализации в Польше, Венгрии и Чехословакии. Во-первых, в вышеуказанных странах на первых свободных выборах к власти пришли некоммунистические силы, разворачивавшие свою деятельность еще задолго до старта демократических преобразований и ставшие его предвестниками. Однако в Болгарии демократи-

ческий транзит стал следствием внутриэлитной борьбы, из-за чего оппозиция не успела обрести достаточную субъектность, чтобы противостоять коммунистическим силам на выборах. Также существенным различием является то, что взаимодействия между акторами либерализации и прокоммунистически настроенными силами носили гораздо более острый характер, чем это происходило в странах Вышеградской группы. В Румынии либерализация произошла по революционному сценарию и была сопряжена с насилием, гражданским противостоянием и политическими убийствами. Подобные действия политических акторов в Болгарии и Румынии не способствовали в дальнейшем утверждению сбалансированного и консолидированного политического режима.

В политической науке переход к демократии, осуществляемый посредством переговорного процесса, рассматривается как желательное, если не как необходимое, условие ее устойчивости. «Соглашения или договоры не всегда возможны или желательны, — считают Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер, — но в том случае, когда они достигаются, это заслуживает позитивной оценки, поскольку в итоге повышается вероятность создания жизнеспособной политической демократии»¹. А. Пшеворский повторяет точку зрения, согласно которой демократию «невозможно навязать; она возникает в процессе переговоров»². Смена власти путем переговоров (*negotiated transitions*) или, как называет это Хан-

¹ O’Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. С. 39.

² Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. С. 80.

тингтон, «переговорные замены» (*transplacements*) могут происходить лишь при наличии двух условий. Во-первых, наиболее влиятельные группы в правительстве и оппозиции должны исходить из того, что ни одна из сторон не может определять будущее единолично. Во-вторых, необходимо, чтобы в критические моменты влияние реформаторов в правительстве было сильнее влияния консерваторов, а влияние умеренных в оппозиции — сильнее влияния экстремистов¹. В данном случае Болгария и Румыния являют собой пример стран, в которых демократический транзит происходил вопреки *контрактной* модели. В Болгарии противоборствующие стороны около года не могли прийти к консенсусу и сформировать стабильное правительство, что существенно затрудняло переход к консолидированной демократии и повышало градус политической борьбы. В Румынии же авторитарный режим был свергнут в отсутствие каких-либо переговоров исключительно силовым путем.

Похожим образом развивались события на территории СССР. Коренные политические, экономические и социальные преобразования, начатые М. Горбачевым с середины 80-х гг. XX в., со временем приобрели форму «импровизации», породившей хаос. Страну охватили стихийные забастовки, протесты и националистические демонстрации на окраинах. Центральные власти столкнулись с требованиями суверенитета на Украине и Кавказе, а также в Прибалтике и Молдавии.

¹ *Huntington S.P.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. London: University of Oklahoma press, 1993. С. 124–152.

26 марта 1989 г. на первых свободных выборах в СССР беспартийные заняли около 10% мест в Съезде народных депутатов СССР. Тем самым советские граждане оказали наименьшую электоральную поддержку оппозиционным кандидатам среди рассматриваемых государств¹. Однако политическую либерализацию так и не удалось провести без политических, экономических и социальных потрясений, которые в конце концов привели к развалу СССР. В 1991 г. Советский Союз распался, расколотый центробежными силами национализма, экономического хаоса, структурного разложения, попытки государственного переворота и неэффективного руководства президента М. Горбачева².

Таким образом, практика посткоммунистического транзита показала заметную разницу в траекториях действий политических субъектов, проводящих либерализацию политического режима в описываемых посткоммунистических странах. Рассматривая демократизацию в Восточной Европе и СССР, К.В. Харпфер отмечал наличие так называемого «позитивного исторического фона», упрощающего демократический транзит в отдельных государствах. Так, попытки реформирования предпринимались в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. и в Польше в 1980 г., когда католический профсоюз «Солидарность» под руководством Леха Валенсы выступил против польского коммунистического режима. В свою очередь, локальные реформы были проведены в Венгрии, когда Янош Кадар разрешил частную

¹ *McColm B.* Freedom in the World. Political Rights & Civil Liberties 1989–1990. Boston: Freedom House, 1990. С. 251–256.

² *Ibid.*

собственность на фермы и малые предприятия, а также свободу передвижения по миру, и Польше, где коммунистические лидеры Войцех Ярузельский и Эдвард Герек ввели элементы рынка в аграрном секторе, в том числе допустили частную собственность на обрабатываемую фермерами землю. Мелкие предприниматели на «островах капитализма» посреди моря плановой экономики образуют группу прото-капиталистов, способных дать импульс либерализации и дальнейшей демократизации¹.

Рассматривая процесс перехода от тоталитаризма к демократии, уже на начальном этапе заметна разница в политических действиях акторов модернизации. В большинстве стран переход от однопартийной коммунистической системы к демократии произошел без насилия и мирным путем. Форматы режимных транзитов были разными. В Чехословакии благодаря сильному диссидентскому движению, наличию структур гражданского общества произошла Бархатная революция. В этой ситуации коммунистические лидеры в Праге тихо и без открытого сопротивления покинули свои посты. Другая форма смены режима воплотилась в так называемых «круглых столах» — эта форма режимного транзита проявила себя в Польше и Венгрии. Однако другие посткоммунистические государства отошли от концепций консенсусной либерализации. В Болгарии конец правлению коммунистического лидера Тодора Живкова положила отдельная часть самой коммунистической элиты, что впоследствии привело к периоду дестабилизации политической системы, вызванной противостоя-

¹ *Haerpfer C.W.* Democratization. Oxford University Press, 2009.

нием либеральной оппозиции и БСП. В данном случае транзит в Болгарии отличался от аналогичного процесса в Польше, Венгрии и Чехословакии по двум параметрам: во-первых, на первых свободных выборах там не было преодолено коммунистическое правление; во-вторых, долгое время переговоры не могли прийти к конструктивному началу и сопровождалась обширным политическим противостоянием политических акторов. Еще дальше от концепции консенсусной либерализации отошли политические акторы в Румынии, где жестокий конец режима румынского диктатора Николае Чаушеску был также следствием переворота внутри коммунистической элиты, которая сохранила власть и после утверждения демократического режима.

Похожим образом проводилась демократизация в СССР. Политические реформы М.С. Горбачева были начаты «сверху», при минимальном участии гражданского общества. На первых свободных выборах практически абсолютную власть получили депутаты от КПСС. Политическая либерализация была сопряжена с разрастающимся экономическим кризисом, ростом политического насилия и отсутствием консенсуса среди акторов относительно желательных траекторий политической либерализации, что, в конце концов, привело к краху государства. Таким образом, стратегия либерализации в СССР с точки зрения структуры движущих сил находится в одной плоскости с балканскими государствами.

1.3. СТРАТЕГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

В теории демократического транзита как секторе политической науки большое внимание уделяется поведению политических элит на этапе институционализации демократических практик. М. Липсет в исследовании «Политический человек» констатировал, что политика демократии — это обязательно в какой-то степени и политика конформизма для элиты общества: «Коль скоро массы получают доступ в элиту, коль скоро людям, принадлежавшим к элите, приходится в своих действиях учитывать реакцию масс, свобода элиты (будь то политической или творческой) ограничивается»¹. В свою очередь Федерико М. Росси и Донателла дела Порта утверждали, что элиты являются не только источником демократического процесса, но и теми, кто контролирует его результат. Элиты должны в условиях дестабилизации политической системы, вызванной коренными преобразованиями в рамках демократизации, стремиться к утверждению и поддержанию цивилизованных консенсусных практик и демонстрировать политическую ответственность, порой даже вопреки узкопартийным интересам².

Для утверждения демократических практик после того, как с авторитарным режимом было покончено, необходимо, чтобы, во-первых, элиты сохраняли «внутреннюю лояльность» демократии, во-вторых, сами являлись источником демократического процесса и свои политические действия соотносили с демократическими

¹ *Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.*

² *Haerpfer C.W. Democratization. Oxford University Press, 2009.*

идеалами, в-третьих, в условиях перестройки политической системы (характерная черта для любых политических преобразований) стремились достичь консолидации демократических институтов путем переговоров и иных действий, направленных на достижение цивилизованного компромисса.

Изучив биографии посткоммунистических элит описываемых государств, можно предположить, что в Польше, Венгрии и Чехословакии диссидентские группы, ставшие катализатором либерализации, вытеснили из политического класса лидеров-коммунистов и стали новой политической элитой.

Первый руководитель профсоюза «Солидарность» Лех Валенса стал первым президентом независимой Польши в 1990–1995 гг., другой лидер «Солидарности» Тадеуш Мазовецкий стал первым посткоммунистическим премьер-министром Польши, с «Солидарностью» были связаны Председатель совета министров Польши Ян Ольшевский, президент Польши Лех Качиньский, 52-й Председатель Совета Министров Польши Ярослав Качиньский. Многие деятели «Солидарности» также занимали государственные должности в парламенте и правительстве Польши.

Многие авторы «Хартии-77» и члены диссидентского движения также заняли политические должности в посткоммунистических Чехии и Словакии. Вацлав Бенда стал председателем Палаты депутатов Федерального собрания Чехословакии в 1992 г., Вацлав Гавел — президентом Чехословакии и первым президентом независимой Чехии, а Иржи Динстбир возглавил МИД Чехословакии. В свою очередь руководитель Венгерского демократического фо-

рума, диссидент и антикоммунист Йожеф Анталл стал первым демократически избранным премьер-министром Венгрии.

На Балканах политические реформы проводили качественно иные элитные группы. На первых свободных выборах победила БСП — преобразованная Болгарская коммунистическая партия, что несколько изменило траекторию демократического транзита. Так, первым премьер-министром Республики Болгария стал член Болгарской коммунистической партии Андрей Луканов, что не позволяет поставить Болгарию в один ряд с Польшей, Венгрией и Чехословакией, где к власти пришли политики, не связанные с коммунистическими движениями. Помимо А. Луканова, в 1995 г. премьер-министром от БСП стал член БКП с 1983 г. Жан Виденов, чья деятельность во главе правительства в итоге привела к финансовому и политическому кризису. Однако впоследствии к власти в Болгарии пришли продемократические силы.

Иным образом обстояли дела в Румынии и описываемых постсоветских республиках. Демократический транзит в Румынии начался с внутриэлитного переворота, в результате которого первым президентом Румынии стал видный коммунистический деятель Ион Илиеску. Похожим образом обстояли дела в Молдавии, где президентами в 1990-х были члены КПСС Мирча Снегур и Петр Лучинский, на Украине (Леонид Кравчук в 1990–1991 гг. — член Политбюро ЦК КПУ), Белоруссии (Станислав Шушкевич, председатель Верховного совета Белоруссии в 1991–1994 гг. — член КПСС с 1968 г.), России (Борис Ельцин — секретарь ЦК КПСС в 1985–1986 гг.),

Казахстане (первый президент независимого Казахстана Нурсултан Назарбаев — первый секретарь ЦК КП Казахстана в 1989–1991 гг.).

В итоге траектория политического транзита в посткоммунистических странах определялась по идеологической ориентации политических элит, главной задачей которых было конструирование картины будущего, способной стать драйвером консолидации общества вокруг выдвигаемых ценностей и идеалов.

Первая группа: Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, где к власти пришли лидеры, не связанные с коммунистическими движениями, чья лояльность демократии была бесспорна и доказана их многолетней диссидентской деятельностью на протяжении коммунистического правления.

Вторая группа: Румыния, Болгария, в которых некоммунистические акторы так или иначе смогли стать частью нового политического класса, однако влияние элитных групп, аффилированных с коммунистическими партиями, оставалось достаточно велико.

Третья группа: Молдавия, Украина, Белоруссия, Россия, Казахстан, где политический класс уже независимых государств был в большинстве своем укомплектован лидерами, в прошлом или связанными со структурами КПСС, или возглавлявшими их. Подобного рода особенности правящего класса описанных государств и предопределили траектории демократического транзита.

В 1992 г. **Польша** продолжила свой путь становления демократической рыночной страной. Несмотря на возникающие политические противоречия, была принята

«Малая конституция», проложившая новую веху в развитии польского государства. Несмотря на тот факт, что на выборах в 1993 г. первое место занял Союз демократических левых сил (преемник Польской объединенной рабочей партии), демократическая тенденция в Польше изменений не претерпела. Также широкое развитие в Польше получила свобода прессы — около 85% всех СМИ было приватизировано. Несмотря на возвращение к власти политических наследников ПОРП, А. Квасьневский выиграл президентские выборы в 1995 году. Данный факт глобально не повлиял на вектор демократического транзита благодаря умеренной и взвешенной политике, которая ориентировалась на «капиталистическое будущее»¹.

Стратегия консенсуса политических сил в **Чехословакии** отвергала возможность развития политического транзита через конфликт. Чешские и словацкие лидеры договорились о мирном и ненасильственном разделении страны в 1992 г., которое получило название «Бархатный развод». После обретения независимости чешское правительство, возглавляемое Вацлавом Клаусом (активным деятелем «Пражской весны», отказавшимся вступить в Коммунистическую партию Чехословакии), продолжило экономические реформы и институционализацию

¹ *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993. New York: Freedom House, 1993; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994. New York: Freedom House, 1994; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995. New York: Freedom House, 1995; *Kaplan R.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996.

демократической политической системы. 9 июля 1993 г. чешский парламент принял закон «О незаконности коммунистического режима», согласно которому Коммунистическая партия была признана преступной организацией, любые формы сопротивления против нее — морально оправданными, а срок давности преступлений коммунистического режима был отменен. Коалиционное правительство премьер-министра Вацлава Клауса предпринимало усилия по гармонизации процессов ускоренной приватизации и гарантий социальных потребностей тех, кто «выпал» из наиболее процветающей и перспективной экономики Восточной и Центральной Европы. В 1995 году правительство премьер-министра Вацлава Клауса продолжало корректировать рыночные реформы, которые обеспечили Чешской Республике устойчивый экономический рост. В ноябре она стала первой посткоммунистической страной, принятой в Организацию экономического сотрудничества и развития. Экономические меры, принятые в 1995 году, включали отмену регулирования минимальной заработной платы, превращение кроны в полностью конвертируемую валюту, изменение законов о банкротстве для ускорения процедур ликвидации убыточных предприятий и ужесточение законов о конфликте интересов. Низкая инфляция, небольшой внешний долг, трехпроцентный рост производства, трехпроцентная безработица и рекордные валютные резервы способствовали политической стабильности и относительному процветанию Чехии. В сентябре 1995 г. парламент продлил действие «законов о люстрации», которые ограничивают права агентов тайной полиции и высокопоставленных коммунистических де-

ятелей до 2000 года. Президент В. Гавел наложил вето на законопроект, утверждая, что продление срока было преждевременным, поскольку закон не истек до конца 1996 года. Парламент отменил вето 18 октября¹.

В **Словакии** политический процесс отличался гораздо меньшей стабильностью. Так, в 1994 г. дважды сменилось правительство. 14 марта 1994 г. премьер-министр Владимир Мечъяр (член организации «Общественность против насилия», словацкого аналога Гражданского форума, исключенный из Коммунистической партии за симпатии демократическому движению в 1968 г.) был смещен с поста, его заменил Йозеф Моравчик, сформировавший коалицию из демократов, социалистов и коммунистов. Однако на парламентских выборах осенью 1994 года победу одержал Владимир Мечъяр и его партия Движение за демократическую Словакию, сформировавший в декабре новое правительство. Между премьер-министром Владимиром Мечъяром и президентом Словакии Михаилом Ковачом происходил политический конфликт, однако глобально политические перестановки и противоречия внутри словацкой элиты не повлияли на институционализацию демократических практик и не вылились в форму гражданского противостояния².

¹ *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993. New York: Freedom House, 1993. С. 224–228.

² *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994. New York: Freedom House, 1994. С. 497–499; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995. New York: Freedom House, 1995. С. 508–512; *Kaplan R.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996. С. 418–420.

Похожие противоречия существовали внутри политического класса Венгрии. Венгерский демократический форум был расколот из-за существования крайне-правого крыла, возглавляемого одним из его основателей Иштваном Цуркой. Напряженность, существовавшая внутри партии и правительства, затрудняла проведение экономических и политических реформ. Политические неудачи ВДФ привели к тому, что после выборов 1994 г. премьер-министром стал социалист Дьюла Хорн. Однако и в этом случае смена политического курса не изменила траекторию демократического транзита. Венгерская социалистическая партия, возглавляемая Д. Хорном, вступила в коалицию с Альянсом свободных демократов — «либеральной и агрессивно-прорыночной партией» и продолжила курс на укрепление демократических институтов. 8 февраля 1994 г. Венгрия присоединилась к программе «Партнерство ради мира» НАТО и одновременно артикулировала стратегическое движение по вступлению в ЕС. Несмотря на экономические трудности и непопулярные реформы, Венгрия реализовывала стратегию по укреплению демократических институтов в условиях отсутствия серьезных политических катаклизмов. Согласно принятому закону о СМИ была обеспечена свобода прессы и два государственных канала было приватизировано¹.

---

¹ *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993. New York: Freedom House, 1993. С. 266–69; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994. New York: Freedom House, 1994. С. 298–301; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995. New York: Freedom House, 1995. С. 289–302; *Kaplan R.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996. С. 259–261.

В **Болгарии** институционализация демократических практик происходила в условиях политического противостояния между президентом Желю Желевым (бывшим членом БКП) и правительством во главе с премьер-министром Димитровым (лидером СДС). В октябре 1992 г. премьер обвинил Желева в клевете, направленной на дестабилизацию правительства. В попытке утвердить свою власть Димитров призвал парламент к голосованию о доверии правительству. 28 октября 1992 г. болгарский парламент выразил правительству вотум недоверия, отправив его в отставку.

Несмотря на политические катаклизмы, процесс демократизации в Болгарии все-таки продолжился. Смещение бывших коммунистов с большинства высших постов после парламентских и президентских выборов проложило путь к активной кампании по расследованию преступлений, совершенных в коммунистическую эпоху. Президент Желев призвал очистить запятанную репутацию Болгарии в связи с ее причастностью к «зонтичному убийству» диссидента Георгия Маркова в Лондоне в 1978 году и покушению на папу Иоанна Павла II в 1981 году. Генерал Владимир Тодоров (офицер КГБ Болгарии) был приговорен к 14 месяцам тюремного заключения за уничтожение документов, связанных с убийством Георгия Маркова. Бывшие председатели Совета министров Болгарии Андрей Луканов и Гриша Филипов были арестованы в июле 1992 г. за незаконное присвоение государственных средств. После судебного процесса, длившегося 18 месяцев, бывший председатель Коммунистической партии и глава государства Тодор Живков был признан виновным в растрате 24 миллионов

долларов и приговорен к семи годам лишения свободы. Также парламент Болгарии принял закон о реституции земель, конфискованных коммунистами.

Экономические неудачи и падение уровня жизни привели к тому, что на выборах в 1994 г. победу одержала Болгарская социалистическая партия, состоящая из бывших коммунистов. Другой серьезной проблемой, тормозящей институционализацию демократических практик, была коррупция, в которой обвинялись лидеры БСП и Движения за права и свободы — партий, образовавших в 1994 г. коалицию. Незаконная валютная спекуляция, нерегулируемая приватизация и коррупция среди государственной бюрократии были повсеместными. В 1995 году Болгария стала свидетельницей напряженности между правительством премьер-министра Жана Виденова и президентом Желю Желевым, бывшим лидером оппозиционного Союза демократических сил (СДС), по таким вопросам, как приватизация, владение землей и членство в НАТО. Также серьезными препятствиями для институционализации демократических практик в Болгарии стали двадцатипроцентная безработица, инфляция, затянувшаяся приватизация, производственный кризис, укрепление старой коммунистической элиты в частном бизнесе, пробелы в законодательстве, которые давали этим элитам лазейку для злоупотреблений. Однако победа социалистов на выборах не изменила магистральную траекторию демократизации Болгарии. Была создана совместная парламентская комиссия Болгарии и Европейского союза для содействия интеграции Болгарии в европейские структуры. Конституционный суд отклонил правительственные поправки в закон о ре-

ституции, направленные на защиту нынешних арендаторов, которым грозило выселение в случае восстановления прав собственности прежних владельцев¹.

Подобного рода политическая поляризация проявила себя в **Румынии**, где на местных и общенациональных выборах в 1992 г. обозначились противоречия между правящей некоммунистической элитой и оппозицией. Местные выборы показали значительный электоральный рост оппозиционной коалиции «Демократическая конвенция», но на общенациональных выборах победил действующий президент Ион Илиеску и созданный им «Демократический фронт национального спасения». Результаты выборов поставили под сомнение будущее экономических реформ, предпринятых предыдущим правительством премьер-министра Теодора Столжана, и обострили этническую напряженность между румынами и многочисленным венгероязычным меньшинством в Трансильвании.

В 1993 году возросшая социальная напряженность, вялотекущие экономические реформы и парламентская фракционность стали ключевыми проблемами для коалиционного правительства меньшинства премьер-министра Николае Вэкэрою. В марте 1993 года на фоне растущих волнений и забастовок правительство представило парла-

¹ *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993. New York: Freedom House, 1993. С. 145–147; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994. New York: Freedom House, 1994. С. 168–171; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995. New York: Freedom House, 1995. С. 157–160; *Kaplan R.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996. С. 159–160.

менту долгосрочный план по выходу из кризиса, однако оппозиция раскритиковала правительство за неспособность предложить конкретную антикризисную программу. В июле «Организация экономического сотрудничества и развития» пришла к выводу, что неуверенный подход правительства к реформам не смог преодолеть влияние враждебных групп, и что рыночные начала были «искажены» бюрократическим интервенционизмом. ОЭСР признала суровое наследие чрезмерной централизации и экономической автаркии, завещанное режимом Чаушеску. Подчеркивалось, что падение производства было более продолжительным и глубоким, чем в других посткоммунистических государствах. В связи с падением экономики в обществе возрастала социально-политическая напряженность, которая вылилась в так называемый «Марш отчаянных» и серию протестов. В середине декабря 1993 г. тысячи румын потребовали возрождения монархии и свержения правительства в рамках отмечающейся годовщины восстания 1989 года. Более 10 000 человек пришли к кабинету премьер-министра и еще 5000 человек собрались на Университетской площади с требованиями отставки президента Илиеску. В Тимисиоре, где началась революция 1989 года, 7000 человек собрались, чтобы призвать к отставке правительства.

Следующий 1994 год ознаменовался для правительства Николае Вэкэрою и правящей Социал-демократической партии Румынии (являющейся политическим наследником коммунистической партии) противостоянием с парламентом, массовыми волнениями и медлительными экономическими реформами. К 1995 году правительству Румынии удалось стабилизировать экономику и обеспе-

чить скромный рост, однако политическая напряженность и противоречия между венгерским меньшинством и радикальными политическими движениями существенно затормозили институционализацию демократических практик. Улучшение макроэкономических показателей дало дополнительный импульс политической модернизации Румынии, но широко распространенная коррупция и некомпетентность среди государственных служащих препятствовали утверждению демократии¹.

К этой неблагоприятной ситуации присовокупились и процессы, разворачивавшиеся в Молдавии. Демократический транзит Молдавии был нарушен из-за конфликта в Приднестровье в 1992 г. и продолжающимися беспорядками, вызванными ухудшающейся экономической обстановкой. Это привело к отставке премьер-министра Валерия Муравского в июле 1992 г., которого сменил Андрей Сангели. Еще одним вызовом для молдавского правительства стал Народный фронт Молдовы, призывавший к присоединению к Румынии. В совокупности данные факторы привели к тому, что до 1994 г. Молдавия так и не провела демократические выборы, оставаясь с парламентом, избранным еще во времена СССР в 1990 г., и серьезно «опаздывая» с институционализа-

¹ *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993. New York: Freedom House, 1993. С. 421–424; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994. New York: Freedom House, 1994. С. 465–468; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995. New York: Freedom House, 1995. С. 474–477; *Kaplan R.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996. С. 390–392.

цией демократических практик по сравнению с другими государствами южной и восточной Европы.

Ключевыми событиями 1994 года стали парламентские выборы, на которых победили партии, выступавшие против воссоединения с Румынией; национальный референдум, подтвердивший независимость страны; принятие новой конституции, сократившей президентские полномочия. Решая эти вопросы, президент Мирча Снегур стремился к достижению национального консенсуса относительно будущего политического курса страны. Также в 1995 г. благодаря действиям президента М. Снегура удалось мирно разрешить конфликт между Молдавией и Гагаузской Республикой¹.

Политические противоречия, сопровождающие демократический транзит, были характерны и для других стран бывшего СССР. Так, **Украина** встретила свой первый год независимости, столкнувшись с серьезными экономическими проблемами и усилившейся напряженностью внутри государства между различными этническими и языковыми группами. В сентябре 1992 г. давление демократической парламентской оппозиции, требующей форсирования экономических и политических реформ, вынудило премьер-министра Витольда Фокина и его кабинет уйти в отставку. Кризис в кабинете мини-

¹ *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993. New York: Freedom House, 1993. С. 365–367; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994. New York: Freedom House, 1994. С. 404–407; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995. New York: Freedom House, 1995. С. 405–408; *Kaplan R.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996. С. 339–341.

стров последовал за несколькими месяцами безрезультатных попыток запустить программу экономических реформ на фоне политической борьбы между радикалами и традиционалистами. Между тем, ситуация в экономике страны продолжала ухудшаться. Президент Украины Леонид Кравчук в свою очередь старался балансировать между националистами, демократами и русским населением, не допуская этнических столкновений и политических беспорядков.

Экономический коллапс и политическая нестабильность ознаменовали собой весь следующий 1993 год. Одной из проблем Украины, тормозящей институционализацию демократических практик, являлось отсутствие посткоммунистического парламента (последние парламентские выборы проводились в 1990 г.). В результате, когда консервативные силы блокировали необходимые экономические реформы, премьер-министр Леонид Кучма подал в отставку. Парламент принял отставку кабинета и призвал к досрочным парламентским и президентским выборам в марте и июне 1994 года соответственно.

Результаты парламентских выборов 1994 г. привели к политическому тупику и ознаменовали неспособность достичь национального консенсуса по ключевым вопросам. Страна была поляризована в выборе дальнейшей стратегии государственного развития. Восточная, промышленно развитая часть страны, где проживало более 11 миллионов этнических русских, проголосовала в основном за социалистов, коммунистов и аграриев, что свидетельствует о большем тяготении к России. Центральная и националистическая западная Украина

имела тенденцию голосовать за умеренных или бизнес-ориентированных реформаторов. В 1995 году новый президент Леонид Кучма предпринял попытки начать комплексную программу экономических реформ, однако они столкнулись с бюрократическим и парламентским сопротивлением. Из-за этого к концу 1994 года приватизация так и осталась незаконченной¹.

Первые годы посткоммунистической эпохи в России ознаменовались противостоянием между правительством президента Б. Ельцина (занимал ведущие посты в коммунистической партии), исполняющим обязанности премьер-министра Е. Гайдаром (член КПСС) и законодательной властью, в которой доминировали бывшие коммунисты — противники реформ. Кульминацией этой борьбы стало смещение парламентом Егора Гайдара, главного архитектора преобразований, на его место был назначен В. Черномырдин (в коммунистическую эпоху занимал должность министра). Политические противоречия и экономические неурядицы составляли центробежную силу, которая вносила нестабильность в политическую систему России. В совокупности с напряженной межнациональной обстановкой эти факторы тормозили институционализацию демократических практик.

¹ *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993. New York: Freedom House, 1993. С. 508–511; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994. New York: Freedom House, 1994. С. 561–564; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995. New York: Freedom House, 1995. С. 576–581; *Kaplan R.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996. С. 469–472.

В результате продолжающийся конфликт между парламентом и президентом завершился гражданским противостоянием в 1993 году. Правительственные силы захватили здание российского парламента, сломив сопротивление его защитников, которые скрывались там после того, как Б. Ельцин распустил Верховный совет в сентябре 1993 года. Это стало сигналом к росту нестабильности и центробежным тенденциям внутри государства, вооруженным волнениям в столице, развитию сепаратизма на окраинах, поляризации законодательной власти между популистами, коммунистами, нелояльными центристскими партиями. В свою очередь, действия президента Ельцина, сомнительные с точки зрения конституционного права, роспуск парламента, введение новой Конституции, предоставляющей президенту сверхширокие полномочия, его деструктивное политическое поведение, выразившееся в авторитарных наклонностях, искажали траекторию демократического транзита России. Также не способствовали укреплению демократических институтов рост коррупции, организованной преступности и разворачивающаяся война в Чечне.

В **Белоруссии** политический кризис разразился в 1993 г. и был ознаменован противостоянием между председателем Верховного совета Станиславом Шушкевичем и консервативным премьер-министром Вячеславом Кебичем. В 1994 г. С. Шушкевич ушел в отставку, в стране была принята первая посткоммунистическая конституция и прошли президентские выборы, на которых неожиданно победил Александр Лукашенко: человек из народа. Бывший директор совхоза без партийной принадлежности, который провел популистскую

избирательную кампанию как политик-аутсайдер, обещающая подавить коррупцию, остановить инфляцию и заморозить цены на товары.

В Белоруссии в 1994 г. наметился тренд на сворачивание демократических институтов. Принятый 5 октября закон о политических партиях многие посчитали противоречивым из-за введения дополнительных административных барьеров для участия в выборах. Также серьезным препятствием для демократического транзита являлось влияние КГБ, который сохранил контроль за политическими партиями, профсоюзами, гражданскими движениями и другими организациями. Незрелостью демократических институтов Белоруссии воспользовался А. Лукашенко, который, начиная с 1995 г., укрепил свою власть: вновь введя цензуру, запретив независимые профсоюзы, игнорируя решения Верховного суда, когда тот отменял президентские указы, и ограничивая права кандидатов на участие в парламентских выборах. Выборы в Верховный совет Белоруссии Совет Европы признал нечестными и несправедливыми из-за ограничений доступа к средствам массовой информации, ведение агитации и ограниченного финансирования избирательных кампаний. Де-факто демократический транзит был остановлен, и Белоруссия начала приобретать черты авторитарного государства¹.

---

¹ *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993. New York: Freedom House, 1993. С. 122–125; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994. New York: Freedom House, 1994. С. 143–146; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995. New York: Freedom House, 1995. С. 130–133; *Kaplan R.* Freedom in the World.

В **Казахстане** демократический транзит был приостановлен еще на начальном этапе — в рамках первых свободных выборов, проведенных еще в советскую эпоху. Во время выборов в Верховный совет в 1990 г. оппозиция была ограничена в выдвижении своих кандидатов, большинство избранных депутатов были бывшими членами коммунистической партии. На президентских выборах в декабре 1991 года закон предусматривал, что потенциальные кандидаты должны были собрать 100 000 подписей за короткий предвыборный период, что позволило Нурсултану Назарбаеву избираться без конкурентов (на выборах он получил 98% голосов). Де-факто вся полнота власти была сосредоточена в руках президента Н. Назарбаева, который продолжал подавлять инакомыслие, цензурировать прессу и контролировать оппозицию. Прошедшие в марте 1994 г. парламентские выборы не отвечали международным стандартам согласно заключениям международных наблюдателей¹.

Анализируя акторно-ориентированные факторы на этапе институционализации демократических практик, можно заключить, что во всех описанных государствах посткоммунистические общества столкнулись с задачей

The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996. С. 137–139.

¹ *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993. New York: Freedom House, 1993. С. 302–304; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994. New York: Freedom House, 1994. С. 338–340; *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995. New York: Freedom House, 1995. С. 331–334; *Kaplan R.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996. С. 286–288.

поддержания хрупких демократических завоеваний, противодействуя реакционным течениям, которые распространились в результате дестабилизирующих последствий системной экономической перестройки, развернувшейся этнической вражды, политической поляризации, зарождающегося авторитаризма и действий нелояльного коммунистического аппарата.

Коммунистическая номенклатура, пытаясь вернуть потерянные рычаги управления, использовала наработанные коммуникации с целью стать новой экономической элитой, стимулируя при этом негодование среди обедневших слоев населения, которое испытывало затруднения с встраиванием в новую экономическую модель после десятилетий эгалитарного общества.

Однако поведение левой оппозиции отличалось в тех или иных странах. Так, в Польше, Словакии, Венгрии на этапе институционализации демократических практик к власти пришла *социал-демократическая оппозиция*, деятельность которой не повлияла на траекторию демократического транзита вследствие политической умеренности и демократических убеждений. Для социал-демократов в Польше, Венгрии, Чехии, Словакии было свойственно поддерживать рыночные реформы, экономическую и политическую конкуренцию и постепенные демократические реформы. На этом основании эксперты *Freedom House* ставят знак равенства между ними и аналогичными левыми силами в Западной Европе.

На **Балканах** политическая ситуация сложилась качественно иным образом. В своем исследовании демократического транзита в Центральной и Восточной Европе Ж. Заруски пишет о том, что в Болгарии и Ру-

мынии к власти пришли представители *ancien régime*, так называемой «номенклатуры», которые не были заинтересованы в укреплении демократических практик и тормозили социально-экономические реформы. Тем не менее, демократический импульс на Балканах обеспечил политическую модернизацию и, хотя утверждение демократических институтов замедлилось (по сравнению с Польшей, Венгрией, Чехией и Словакией), институционализация демократии прошла во многом более успешно, чем странах СНГ¹.

Одной из причин подобной разницы траекторий демократического транзита был тот факт, что в Восточной Европе и на Балканах, в отличие от стран СНГ, экономические трудности были менее болезненными для населения, а конкуренция элит не приводила к дестабилизации политической системы и гражданским конфликтам, вызванным чрезмерной поляризацией политических акторов. Затруднения в институционализации демократических практик испытывали Украина и Россия — в первую очередь, из-за неспособности элит договориться между собой. Это касается, в том числе, непримиримости левой оппозиции в отношении проводимых реформ, разочарования общества в демократических реформах. В России демократический транзит сопровождался раздробленностью элит и гражданскими конфликтами, которые достигли своего апогея осенью 1993 года. В своем исследовании демократического транзита на постсовет-

¹ *Kaplan R. Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996. New York: Freedom House, 1996. С. 286–288.*

ском пространстве Пейдж Салливан назвал действия Бориса Ельцина «демонстрацией авторитаризма».

Украинский реформатор Леонид Кучма также столкнулся с противодействием консервативно настроенного парламента, который был укомплектован весомыми фракциями из коммунистов, социалистов и аграриев. Тем не менее, в период президентства Л. Кучмы удалось на время стабилизировать политическую систему путем сглаживания языковых и межнациональных противоречий и недопущения серьезных гражданских конфликтов, происходящих в России и Молдавии. В свою очередь, демократический транзит в Казахстане и Белоруссии был де-факто свернут политическими элитами при попустительстве гражданского общества.

Разница в траекториях демократического транзита в указанных государствах и развитие в некоторых из них авторитарных тенденций укладываются в парадигмы политологических концепций, согласно которым условием эволюционного развития государств является отсутствие внешних и внутренних потрясений. Роберт Даль в своем исследовании «Полиархия: участие и оппозиция» утверждал, что, когда классовые расколы и групповые различия переходят в открытую вражду, каждый политический лагерь стремится монополизировать государственную власть с целью получить возможность не дать развиваться требованиям оппонентов¹. Этот паттерн работает против демократии. Подобного рода вражда наиболее остро проявила себя в Российской Федерации

¹ *Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. Repr. New Haven: Yale Univ. Press, 2007.*

в 1993 г. и в несколько меньшем масштабе на Украине и Балканах¹.

Этническая гетерогенность, свойственная описываемым государствам СНГ, а также Румынии и Болгарии, также тормозила институционализацию демократии. Американские ученые Э. Рабушка и К. Шепсле в своей работе «Политика в плюральных обществах» отстаивали точку зрения, согласно которой неоднородные общества более склонны к конфликту и менее способны вырабатывать компромиссы, которые являются неотъемлемой чертой демократической практики².

В свою очередь фактором, который обеспечил успех институционализации демократических практик в Польше, Чехии, Словакии и Венгрии, являлось «совпадение интересов» правящей элиты и наличие чувства единства, основанного на «общем отношении к системе ценностей центра», — их важность для укрепления демократии описывал А. Лейпхарт в своем исследовании «Демократия в многосоставных обществах — сравнительное исследование». Для балканских стран и государств СНГ в 1990-х, напротив, характерна поляризация элиты и раскол на «крайних реформаторов» и реакционно настроенных выходцев из коммунистической номенклатуры³.

¹ *Haerpfer C.W.* Democratization. Oxford University Press, 2009.

² *Rabushka A., Shepsle K.* Politics in plural societies: a theory of democratic instability. Columbus, Ohio: Merrill, 1972.

³ *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale Univ. Press, 1980.

1.4. КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ КАК ПРОЦЕСС ИНВАЗИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Оптимальный путь для демократического транзита — переход к консолидированной демократии. Новая демократия становится консолидированной, когда она начинает удовлетворять критериям вполне состоявшейся или либеральной демократии: верховенство закона, ясное разделение властей, энергичное и независимое от государства гражданское общество, демократическая конституция и конституционализм, плюрализм политических акторов и институтов, безусловное уважение прав человека и политических прав, а также свобода средств массовой информации и политической ассоциации. Помимо этих требований новая демократия должна удовлетворять минимальным критериям свободных, честных и соревновательных выборов с участием многих партий, а также успешной консолидации политических и правовых институтов. Наконец, абсолютное большинство граждан должно поддерживать демократические правила и принципы как наилучшие в своем роде¹.

На завершающем этапе демократического транзита позитивные тренды были зафиксированы в описываемых странах восточной и южной Европы. Румыния и Болгария, долгое время остававшиеся отстающими в социально-экономическом и политическом плане от своих более процветающих и демократических соседей Вышеградской группы (Польша, Венгрия, Чешская Республика и Словакия), показали положительную динамику консолидации демократических институтов.

¹ *Haerpfer C.W.* Democratization. Oxford University Press, 2009.

В 1996 г. на парламентских и президентских выборах победили кандидаты от оппозиционной «Румынской демократической конвенции», отстранив от власти социал-демократическую партию Румынии (в которую входило множество бывших коммунистов) и ее лидера Иона Илиеску. В том же году на президентских выборах в Болгарии победу одержал правоцентристский кандидат Петр Стоянов, одолев своего соперника от «Болгарской социалистической партии» Ивана Маразова.

Затруднения при консолидации демократического режима испытывала Словакия, где развернулась драматичная политическая борьба между премьер-министром Владимиром Мечьяром и президентом Михалом Ковачом. Ряд законов и ограничений были сочтены США и Европой препятствующими демократическому развитию Словакии, однако экономика Словакии продолжала впечатляющий рост и демонстрировала самые низкие темпы инфляции в Восточной и Центральной Европе, что сглаживало остроту политических противоречий¹.

Еще большие затруднения в рамках демократического транзита постигли государства СНГ. Через 5 лет после распада Советского Союза большинство государств СНГ так и не смогли начать консолидацию демократического режима, а их политические системы аналитик *Freedom House* А. Мотыль характеризует как «беспорядочные»². После волны оптимизма, нахлынувшей в описываемые государства в 1989–1991 гг., энтузиазм элит и граждан-

¹ Karatnycky A. *Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties, 1996–1997*. New York: Freedom House, 1997. С. 32–41, 446–449.

² Ibid. С. 26–31.

ского общества относительно построения демократии несколько снизился. Из-за трудностей в преодолении «тоталитарного наследия» реформы не имели стратегического плана, а сами перемены протекали чересчур медленно по сравнению с западными соседями. В то время как большинство государств Восточной Европы и Балтии были «свободными», согласно рейтингу *Freedom House*, уже с начала 1990-х годов, страны СНГ к 1996 г. оставались или «несвободными» (Белоруссия, Казахстан), или «частично свободными» (Украина, Молдавия), причем их показатели не изменялись в течение нескольких лет, что дает основания утверждать о «заморозке демократического транзита» и фиксации положения демократических институтов или на уровне недемократических государств, или «электоральных демократий».

Западные наблюдатели ставят в вину постсоветским элитам нехватку политической воли и отсутствие фундаментальных изменений. Также одной из причин неудач демократического транзита называется институциональное наследие, воспринятое от Советского Союза, которое препятствует желаемым изменениям и склоняет политических лидеров к нежелательным формам политического и экономического поведения. Данное наследие выражалось в наличии в постсоветских государствах полуофициальных «преемников» тоталитарных советских институтов — Коммунистической партии и КГБ, выходцы из которых частично сохранили свои властные позиции. В свою очередь, восточные европейцы — поляки, чехи, словаки, венгры, болгары и румыны — были наиболее автономными, обладая готовыми элитами, армиями, полицией, судами и бюрократией. Многие из них также

обладали элементами гражданского общества (церкви), рынка, подпольными СМИ, политическими движениями и т.п.

Казахстан и Белоруссия отставали во всех отношениях. Их политические системы наименее открыты, их экономики наименее инклюзивны, а их правящие элиты наиболее склонны к клановой авторитарной политике. Александр Мотыль указывал на тот факт, что в Белоруссии (наряду с Туркменистаном и Узбекистаном) сложился «культ личности». Украина и Молдавия достигли большего прогресса на пути к демократии, однако они также продолжают сталкиваться с огромными проблемами экономического и этнополитического характера¹.

Наиболее актуальной задачей, стоящей перед всеми данными государствами в 1990-х гг., является, скорее, государственное строительство, а не демократизация и экономические реформы. Подлинная демократия и подлинная рыночная экономика, как кластеры консолидированных институтов, требуют политической базы — эффективного административного аппарата и качественной элиты. Их незрелость была слабой стороной всех рассматриваемых государств.

Еще одной уязвимой чертой политических режимов постсоветских государств, которая препятствовала консолидации демократии, была неразвитость гражданского общества. Постсоветские государства отличались склонными к авторитаризму президентами и неразвитой парламентской системой в условиях доминирования поли-

¹ *Karatnycky A. Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties, 1996–1997. New York: Freedom House, 1997. С. 26–31.*

тических клик. Демократические институты в странах СНГ оставались аморфными аренами борьбы за власть и богатство между различными политическими кланами. Подобного рода деятельность политических акторов характерна для «незападных обществ», демократия которых далека от того, чтобы ее можно было бы определить как «консолидированную», согласно концепции Л. Пая. Несмотря на тот факт, что слабые институты и манипулируемые выборы являлись существенным прогрессом для постсоветских государств по сравнению с тоталитарным прошлым, демократические реформы были «поглощены» нечестной политической конкуренцией с участием клик, мафиозных структур, бывших коммунистических аппаратчиков, региональных лидеров и других политических акторов, тормозящих демократический транзит¹.

Молдавия, Украина и Россия столкнулись с проблемой этнополитических конфликтов, которые раскалывали экономическую и политическую систему. Молдавия столкнулась с двумя регионами, вставшими на путь сепаратизма, — Приднестровьем и Гагаузией. Украинское руководство, в свою очередь, не достигло консенсуса относительно требований об автономии крымских татар, венгерского меньшинства и этнических русских на юго-востоке страны. Новая украинская власть не стремилась найти взаимопонимание с русским населением, что подрывало способность украинской демократии к консолидации. Тем самым сепаратистские тенденции в Молдавии и противоречия между «западной» и «восточной» Укра-

¹ *Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale Univ. Press, 1980.*

иной создавали препятствия для консолидации демократических институтов.

Белоруссия же, согласно соображениям Фионы Хилл, заместительницы директора проекта по укреплению демократических институтов в Гарвардской школе государственного управления имени Джона Ф. Кеннеди, заморозила демократических транзит и вернулась в советское прошлое. Экономические реформы не проводились, а робкие попытки демократизации, осуществляемые после обретения независимости, были пресечены после избрания президентом страны А. Лукашенко. Помимо Белоруссии, авторитарные тенденции получили наибольшее развитие в Казахстане, где президент Н. Назарбаев также свернул демократический транзит¹.

В России демократический транзит был тоже затруднен из-за поведения политических акторов. Российское государство в 1990-х гг. действовало в интересах небольшой группы бизнес-элит, игнорируя потребности и предпочтения граждан. Плюралистические институты были слабы, группы интересов маргинальны, а политические структуры, которые могли бы помочь исправить данный дисбаланс, например, сильный парламент или независимая судебная система, отсутствовали. В этих условиях выборы приобретали все более «ритуальный» характер, не оказывая должного влияния на траекторию государственного развития. В наибольшей степени это проявилось на выборах президента в 1996 г., на которых Бориса Ельцина, несмотря на его слабое здоровье, под-

¹ *Karatnycky A. Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1997–1998. New York: Freedom House, 1998. С. 27–35, 306–309.*

держала наиболее влиятельная часть бизнеса и медиа-элиты. Аналитик *Freedom House* Майкл Макфлд указывает на тот факт, что в течение своей избирательной кампании Б. Ельцин грубо нарушил ограничения на финансирование избирательных кампаний; СМИ, вместо освещения программы кандидатов, занимались откровенной пропагандой, а в национальных республиках были зафиксированы многочисленные нарушения. В результате чего Россия 1990-х была названа Майклом Макфолом «демократией без консолидации»¹.

Таким образом, по итогам демократического транзита среди исследуемых государств, к консолидированным демократиям пришли — Польша, Венгрия, Чешская республика и Словакия. К электоральным (или неконсолидированным) демократиям, которые удовлетворяют минимальным критериям демократичности, можно отнести Румынию, Болгарию, Молдавию и Украину. Неудачу по итогам демократического транзита потерпели Белоруссия, Казахстан и Россия. Данные выводы подтверждаются оценками аналитиков *Freedom House*, политологов, специализирующихся на проблемах демократизации, и данными политических исследований.

Подобного рода дифференциацию в итогах демократического транзита географически, цивилизационно и исторически близких государств отчасти можно объяснить разницей в подходах политических акторов при осуществлении демократических реформ. Среди акторно-

¹ *Karatnycky A. Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties, 1996–1997. New York: Freedom House, 1997. С. 14–26.*

ориентированных факторов успеха демократических преобразований в Польше, Венгрии, Чехии и Словакии можно выделить:

- меньшую продолжительность тоталитарного режима;
- ненасильственное свержение коммунистических правительств на этапе либерализации;
- занятие высших государственных должностей на этапе либерализации политического режима выходцами из диссидентских движений, а не коммунистической номенклатуры;
- широкую поддержку демократических реформ со стороны общественных сил, выражающуюся в приведении к власти на первых свободных выборах сторонников реформ и отказе населения, в большинстве своем, поддерживать некоммунистических политических акторов;
- проведение демократических реформ в условиях отсутствия серьезной политической турбулентности и относительной стабильности в сфере экономики и международных отношений, что, в свою очередь, обуславливало отсутствие социальных страт, «выпадающих» из новой политической системы и пополняющих ряды радикальной оппозиции новому режиму;
- консенсус среди элит и гражданского общества относительно недопущения центробежных тенденций и приобретения политической конкуренцией формы гражданского конфликта;
- решительность и единство политических сил относительно необходимости и благотворности проведения скорейшего перехода к демократическому политическому режиму и рыночной экономике.

Демократический транзит на Балканах и Украине, в свою очередь, не удовлетворял большинству указанных требований. Среди акторно-ориентированных причин неудачи построения консолидированной демократии в Румынии, Болгарии, Молдавии и на Украине можно выделить не всегда мирный приход к власти реформаторов, засилье посткоммунистической «номенклатуры» и общую неэффективность государственного аппарата, наличие социальных и межэтнических конфликтов и влиятельных реакционно настроенных политических сил в национальном парламенте. Помимо указанных акторно-ориентированных факторов к причинам неудачи демократического транзита можно добавить отсутствие консенсуса среди элит о необходимости демократических преобразований — в Белоруссии и Казахстане, и перетекание политической конкуренции в гражданское противостояние — в России.

Глава 2

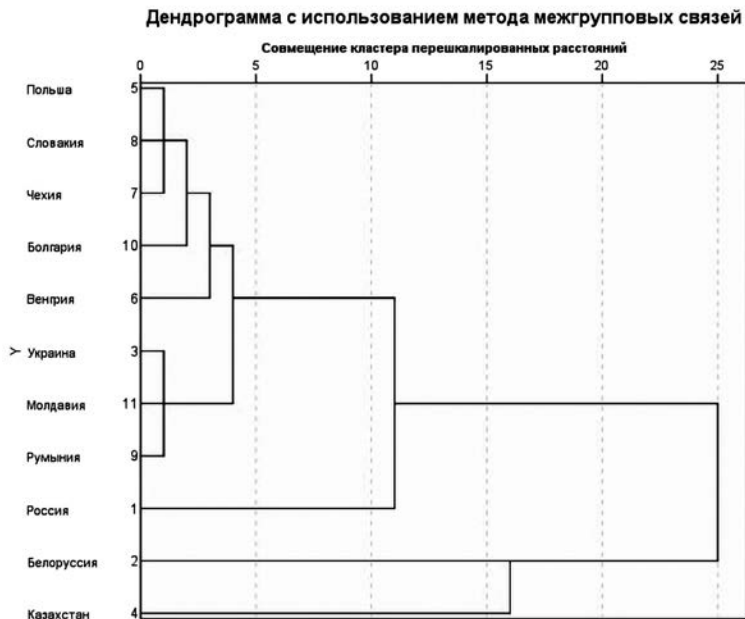
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: МАРКЕРЫ КВАНТИФИКАЦИИ

2.1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

В предыдущей главе авторами было определено, что описываемые государства по итогам демократического транзита пришли к трем различным моделям: консолидированной демократии (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), электоральной демократии (Румыния, Болгария, Молдавия, Украина), гибридным режимам с разной степенью авторитаризма (Белоруссия, Казахстан, Россия). Данное утверждение подтверждается данными индекса *Polity IV*. В этом индексе три аспекта демократии разбиваются на шесть субкомпонентов, или «компонентных переменных», служащих индикаторами для кодирования. Само кодирование опирается на исторические источники, включая конституции стран, а также на академические публикации экспертов по странам¹.

Для группирования описываемых государств относительно показателей индекса *Polity IV* за период с 1990 по 2001 год был использован метод иерархического кластерного анализа, который представляет собой набор алгоритмов разделения совокупности объектов на кластеры

¹ *Haerpfer C.W. Democratization. Oxford: Oxford University Press, 2009.*

Рис. 1. Классификация стран по данным индекса *Polity IV*

и позволяет организовать данные в наглядные «древовидные» структуры, или дендрограммы¹. По итогам кластеризации показателей демократичности государств Восточной Европы авторы получили следующую дендрограмму (рис. 1).

Анализ полученных данных позволяет найти подтверждение указанной оценке траектории политического развития изучаемых стран Восточной Европы и СНГ. Так, можно выделить несколько кластеров: первый (Польша, Словакия, Чехия, Венгрия) — консолидированные демократии с наивысшими показателями индекса демократии

¹ *Ахременко А.С.* Политический Анализ и Прогнозирование: в 2 ч. Часть 2: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2019.

Polity IV, второй (Румыния, Молдавия, Украина) — электоральные демократии, и отдельно стоят страны с неудавшимся демократическим транзитом — Россия, Белоруссия и Казахстан (присоединение Болгарии к первому кластеру объясняется погрешностью индекса). При этом можно заметить, что Белоруссия и Казахстан на определенном этапе кластерного анализа группируются в кластер авторитарных государств, а страны Восточной и Южной Европы в единый кластер демократических государств. В 1990-х Россия не может быть отнесена ни к тем, ни к другим.

Так, согласно рейтингу институциональных характеристик политических режимов *Polity IV*, наиболее демократическими государствами в 1990-х годах являлись Польша, Венгрия, Чехия и Словакия, авторитарными — Белоруссия и Казахстан, смешанными и гибридными режимами — Россия, Украина, Молдавия, Румыния и Болгария, что повторяет выводы предыдущей главы. Тем не менее, на процесс демократического транзита, помимо акторно-ориентированных, также оказывают влияние структурно-ориентированные факторы.

Структурно-ориентированный подход к изучению динамики демократического транзита исходит из тезиса: возникновение институтов политической демократии является результатом определенных «объективных» процессов и предпосылок. Демократия успешно возникает как оформление результатов структурных социальных и экономических процессов. Эти так называемые «структурные» процессы и предпосылки имеют разную природу и относятся к историческим, социально-классовым и социально-экономическим факторам, особенностям

образования наций и государственного строительства, типу политической культуры, особенностям экономического развития, степени гомогенности или фрагментации общества и другим. Главное в том, что эти предпосылки имеют историческую природу, они объективны и не зависят от конкретных решений и действий политических акторов. Соответственно, отсутствие этих условий и предпосылок задает ограничения и «потолки» возможного демократического строительства¹. Среди них выделяются политические и общегосударственные структурные факторы, оказавшие влияние на итоги демократического транзита в посткоммунистических государствах.

Согласно концепции Скотта Мейнваринга, изложенной им в его исследовании «Президентское правление, многопартийность и демократия: трудное сочетание», выбор политических институтов имеет важное значение². Институты создают положительные или отрицательные стимулы для политических субъектов, обуславливают идентичность действующих субъектов, формируют контекст, в котором вырабатывается политический курс, благоприятствуют либо препятствуют строительству демократических режимов. Но самое важное при выборе институтов — решить, какой быть системе правления: президентской, полупрезидентской, парламентской или смешанной. С. Мейнваринг критиковал президентскую форму правления. Президентские

¹ *Мельвилль А., Струкал Д.* Условия демократии и пределы демократизации: факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис. 2011. 123 (3): 164–83.

² *Mainwaring S.* Presidentialism, Multipartyism, and Democracy: The Difficult Combination // *Comparative Political Studies*. 1993. 26 (2): 198–228.

системы демонстрируют меньшую гибкость в кризисных ситуациях, так как попытки отстранить президента от власти способны легко потрясти всю систему. Второй недостаток президентской формы правления — высокая вероятность взаимоблокирования в отношениях между законодательными и исполнительными органами. Также обратной стороной прямых выборов главы государства является вероятность избрания политического аутсайдера, обладающего недостаточным опытом работы с парламентом. Необходимо отметить, что для успешного демократического транзита нужно построение сильного и политически субъектного парламента¹.

Важность институционального дизайна на начальном этапе демократизации также подчеркивал Роберт Даль, который свое исследование реальной демократии начинает с оценки институтов, утверждая, что определение «демократия» применяется не только к идеалу, но и к реально существующей политической системе и соответствующему ей набору институтов². Качество политических институтов как продуктов общественных взаимоотношений и других социальных структур, объективно существующих в тех или иных государствах, оказывает непосредственное влияние на уровень демократии, что подтверждается фактом корреляции и множеством политологических исследований³.

¹ *Mainwaring S.* Presidentialism, Multipartyism, and Democracy: The Difficult Combination // *Comparative Political Studies*. 1993. 26 (2): 198–228.

² *Dahl R.* On Democracy. London: Yale University Press, 2000.

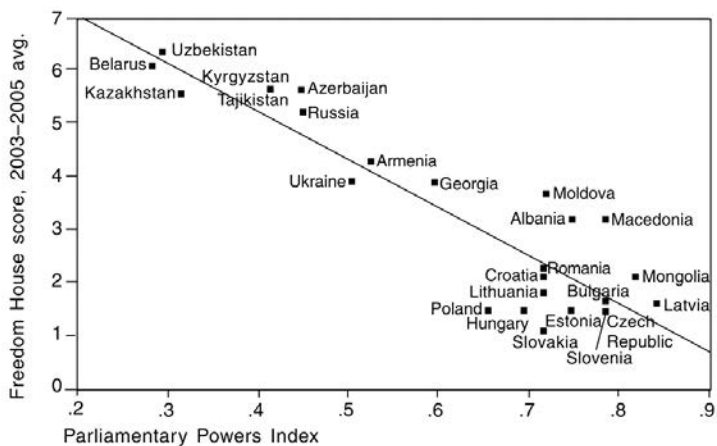
³ *Мельвил А., Струкал Д.* Условия демократии и пределы демократизации: факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // *Полис*. 123 (3): 164–83.

Для измерения «качества» национальной legislatures, как важнейшего политического института во время демократического транзита, используется «Индекс власти парламента» (*Parliamentary Power Index — PPI*), разработанный на основе масштабного исследования полномочий национального парламента. Баллы в этом индексе колеблются от 0 (парламент не обладает властью) до 1 (вся власть находится в парламенте). При помощи PPI можно протестировать, как сила парламента влияет на вероятность срыва демократии¹.

Стивен Фиш, профессор политологии университета Беркли, в своем исследовании «Чем сильнее legislatures, тем сильнее демократии» изучал, как соотносятся PPI и рейтинг *Freedom House* всех посткоммунистических государств в Европе и СНГ. На представленном графике (рис. 2) можно заметить, что страны с наиболее влиятельным парламентом достигли больших успехов в построении демократического политического режима, чем государства, где большая часть власти сосредоточена в руках президента, а парламент выполняет, скорее, декоративные функции. При этом Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, а также Румыния, Болгария и Молдавия определены как страны, обладающие более «сильным» парламентом, чем Россия, Белоруссия и Казахстан. Украина, в свою очередь, находится «посередине» между двумя «кластерами» — стран Вышеградской группы, Балкан с «властным» парламентом и членов СНГ с «бесправным» парламентом².

¹ *Haerpfer C.W.* Democratization. Oxford University Press, 2009.

² *Fish M.S.* Stronger Legislatures, Stronger Democracies // *Journal of Democracy*. 2006. 17 (1): 5–20.

Рис. 2. PPI и рейтинг *Freedom House*

Можно зафиксировать, что наличие сильных представительских институтов в странах Вышеградской группы и в балканских государствах являлось значимым структурно-ориентированным фактором, который повлиял на процесс становления и укрепления демократического режима в этих странах. С другой стороны, слабый парламент на Украине, в Российской Федерации, Белоруссии и Казахстане, наоборот, затруднил транзит к демократии.

Вторым структурным фактором укрепления демократического режима является влияние тоталитарной коммунистической идеологии среди элит и гражданского общества. Мартин Липсет в своем исследовании «Политический человек» обосновывал точку зрения, согласно которой для укрепления демократического режима необходимо отсутствие крупных политических движений, противостоящих либеральной демократии. Для успешного демократического режима необходимо, чтобы по-

литические силы не воспринимали демократию как нелегитимное образование, а представители низших слоев не обнаруживали, что их извечные ожидания далеки от удовлетворения. Тем самым огромное значение приобретает фактор лояльности масс по отношению к таким свежеепеченным демократическим режимам, которые могут сделать очень немного для достижения утопических целей, поставленных оппозицией реформаторам, а также сохранение властных позиций центристскими политическими силами, не допускающими на политическое поле радикалов¹.

Об опасности сведения на нет демократических преобразований со стороны реакционно или радикально настроенной части политической элиты предупреждал Аренд Лейпхарт в своем исследовании «Демократия в многосоставных обществах, сравнительное исследование». Согласно концепции А. Лейпхарта для успешного построения демократии необходимо сотрудничество (консоциация) между элитами, выраженное в стремлении к достижению политического согласия. Напротив, глубокие социальные различия и политические противоречия в многосоставных обществах считаются причиной нестабильности и провалов демократий. Политическая конкуренция, по Лейпхарту, должна уравниваться «центробежными тенденциями» — установками на взаимодействие и соответствующим поведением политических лидеров².

---

¹ *Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.*

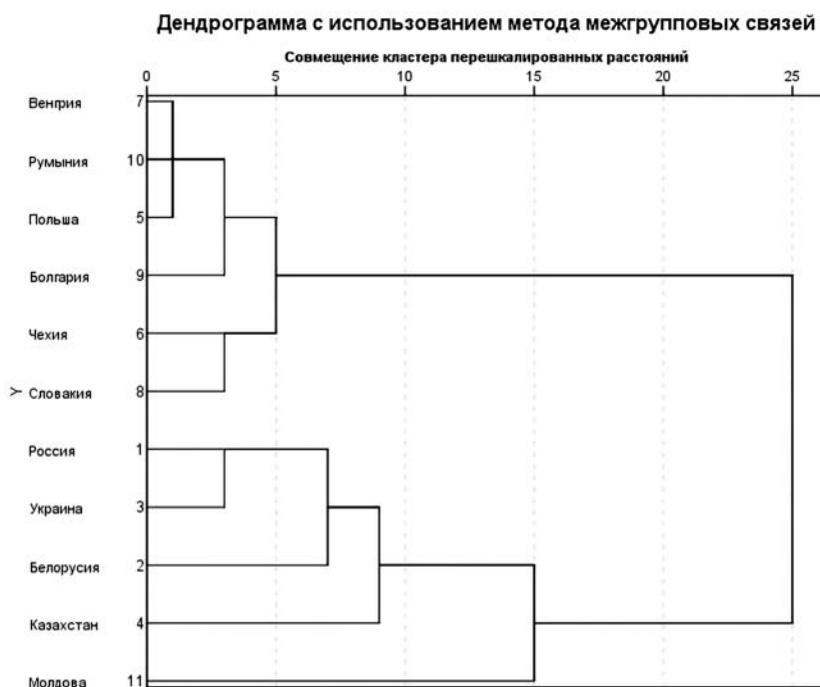
² *Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale Univ. Press, 1980.*

Для элиты балканских государств и стран СНГ характерным являлся раскол элиты на «крайних реформаторов» и реакционно настроенных выходцев из коммунистической «номенклатуры». Однако, по Липсету, фактор наличия в политической сфере общества антидемократически настроенных политических сил приобретает структурный характер тогда, когда их ареал превышает 1/5 часть политически активного населения. Согласно концепции М. Липсета, для успешного демократического транзита необходимо, чтобы коммунистические партии не набирали на выборах 20% голосов и более¹. При этом социал-демократические и умеренно левые партии авторы не относят к реакционно настроенным силам — как говорилось выше, исследователи *Freedom House* ставят знак равенства между ними и аналогичными левыми силами в Западной Европе.

Для проведения кластерного анализа были взяты результаты выборов в нижние палаты национального парламента каждой изучаемой страны, начиная с первых свободных выборов (для стран СНГ с первых выборов в статусе независимого государства) и заканчивая шестым созывом. В случае, если коммунистические партии получили 20% голосов или более, стране присваивалось значение 1, если коммунистические партии не набрали 20% голосов, но прошли в парламент — 0,5, если же они в парламент не прошли, им присваивалось значение 0. При этом в Чехии и Словакии первыми свободными считались выборы в местные парламенты в 1990 году.

¹ *Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.*

Итоги кластерного анализа иллюстрирует следующая дендрограмма (рис. 3).

Рис. 3. Результат кластеризации государств по влиятельности некоммунистических политических сил

Интерпретируя полученные данные, можно выделить два масштабных кластера: первый — страны, которые характеризуются слабым влиянием реакционных сил (Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Чехия, Словакия); второй — страны, которые испытывали негативное влияние фактора наличия могущественных коммунистических партий (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Молдавия). При этом необходимо отметить, что Россия, Украина и Белоруссия являлись единственными государствами, более 20% населения которых

поддерживало коммунистические партии. Данный факт в некоторой степени обусловил неудачи демократического транзита в странах СНГ. Если сравнить кластеры «демократичности» и кластеры наличия в парламенте влиятельных некоммунистических партий, то можно заметить, что Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан являются одновременно странами, испытывающими наибольшие трудности на протяжении демократического транзита, и странами с наиболее влиятельными коммунистическими силами.

Качество политических институтов и степень влияния оппозиции, радикально настроенной по отношению к демократическому транзиту, подводят нас к следующему фундаментальному структурному фактору, который обуславливает вектор динамики политического режима. Речь идет об общей стабильности государства.

Профессор политических наук Марбургского университета (Германия) Дирк Берг-Шлоссер в своем исследовании «Длинные волны и развилки демократизации» описывал структурные факторы, оказывающие влияние на укрепление политического режима. Он отмечал, что для демократии благоприятны культурная, лингвистическая, религиозная однородность, отсутствие сильных антисистемных сил как левых, так и правых, фундаменталистских групп, а также отсутствие высокого уровня политической нестабильности в целом¹. Данное утверждение поддерживает Ларри Даймонд, который отмечал, что либеральные демократические государства, помимо прочего, должны быть конституционными демократическими государствами. Отсутствие конституционного

---

¹ *Haerpfer C.W.* Democratization. Oxford University Press, 2009.

духа, понимания центральной роли конституционной стабильности — «слабое место» многих нелиберальных демократических государств «третьей волны» в посткоммунистическом мире и в странах «третьего мира»¹.

Для измерения уровня общегосударственной стабильности авторы используют «Индекс хрупкости государств» (или индекс «недееспособности» государств, *State Fragility Index — SFI*), где наибольшее значение индекса соответствует наиболее нестабильным государствам. По итогам кластеризации получилась следующая дендрограмма (рис. 4).

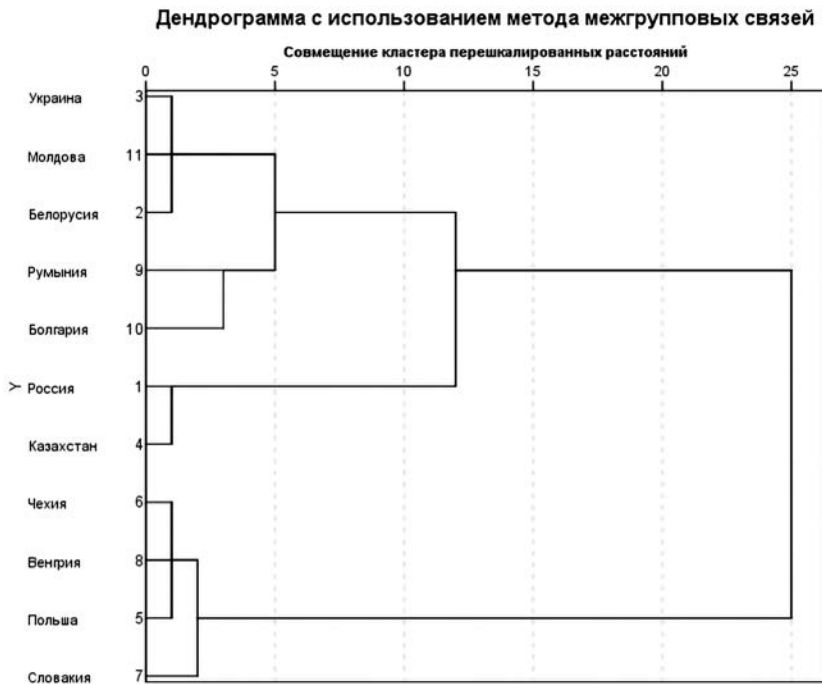
Анализируя данные SFI и полученную дендрограмму, можно выделить, с одной стороны, два масштабных кластера²: первый кластер — «стабильные государства», в который входят Чехия, Польша Венгрия и Словакия (как было определено ранее — «консолидированные демократии»); второй кластер — нестабильные государства: Россия, Казахстан, Белоруссия, Украина, Румыния, Болгария, Молдавия (электоральные/неконсолидированные демократии и авторитарные режимы). При этом кластер нестабильных государств можно дополнительно разбить на два «подкластера»: первый — государства, наиболее подверженные внутренним конфликтам (Казахстан и Российская Федерация), второй — «умеренно нестабильные» государства (Белоруссия, Украина, Румыния, Болгария).

---

¹ *Diamond L.* Developing Democracy: Toward Consolidation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.

² ISNSCR. 2020. State Fragility Index. Integrated Network for Societal Conflict Research (blog). 2020. URL: <https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html>.

Рис. 4. «Индекс хрупкости государств»

Таким образом, существенное влияние на институционализацию и консолидацию демократического режима в изучаемых государствах оказали политические и общегосударственные структурно-ориентированные факторы демократического транзита. Одними из причин успеха построения демократии в странах Вышеградской группы являются качественные политические институты, отказ населения поддержать некоммунистические реакционные силы на парламентских выборах и «конституционная стабильность», присущая данным государствам благодаря этнической и религиозной однородности. В свою очередь, менее успешные в построении демо-

кратии государства, наоборот, характеризуются слабым парламентом, высокой степенью влияния леворадикальных политических сил, этнорелигиозной фракционализацией и, как следствие, общей нестабильностью данных государств. Таким образом, социальные, религиозные и межнациональные конфликты приводили к развитию сепаратистских тенденций и вооруженным конфликтам, что затрудняло успешное разворачивание демократического транзита.

2.2. УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ КАК ГАРАНТИИ ПРОТИВ РЕВЕРСА ДЕМОКРАТИИ

Итоги демократического транзита во многом обусловлены не только состоянием политических или государственных структур (расклад сил в парламенте, «конституционная стабильность» и т.д.), но и экономическим положением в стране и особенностями социальной структуры общества. Согласно главному утверждению теории модернизации экономическое развитие и демократизация связаны с наступлением эпохи Современности. Политолог, преподаватель политических наук и международных отношений Университета Абердина Патрик Бернхаген утверждал, что, как только общество достигает достаточного уровня богатства, технологического развития, образования, бюрократизации и развития индивидуальных, социальных и политических навыков, граждане разочаровываются в патерналистской политической системе и требуют расширения своих политических прав. Это ведет к ослаблению традиционных политических институтов и, в конечном счете, к демократизации. С этой точки зрения главная движущая сила

распространения демократии — развитие рыночной экономики.

Действительно, исторически сложилось так, что периоды успешного функционирования рыночных экономик ведут к росту требований демократизации. И если государства, недавно ставшие демократическими, продолжают преуспевать в экономике, демократия в них, скорее всего, сохранится. По словам Сеймура Мартина Липсета: «Чем богаче страна, тем больше шансов, что она будет развиваться по демократическому пути». Такой подход приписывает капитализму ключевую роль в глобальном расширении демократии, поскольку представляется, что никакая другая социально-экономическая система не способна обеспечить производство общественных благ на том же уровне¹.

Одним из наиболее признанных способов обобщения стран по уровню экономического развития является показатель валового национального дохода на душу населения. Как писал Джон Маркофф, профессор социологии, истории и политических наук Университета Питтсбурга, уровни развития демократии и наблюдаемые тренды при изучении волн демократизации значительно изменяются в зависимости от уровня богатства: наиболее богатые страны вошли в 1970-е годы в группу наиболее демократических стран, беднейшие страны — в группу наименее демократических стран, а страны между этими крайними позициями по уровню ВНД на душу населения также оказались между крайними позициями по уровню развития демократии. Кроме того, он обнаружил, что демократизация происходила при любом уровне ВНД

¹ *Haerpfer C.W. Democratization. Oxford University Press, 2009.*

на душу населения, хотя для группы стран с «низким доходом» демократизация началась с задержкой.

Стивен Фиш (профессор политических наук Калифорнийского университета в Беркли) и Джейсон Виттенберг (доцент политических наук Калифорнийского университета в Беркли) в своем исследовании «Неудавшаяся демократизация» утверждали, что бедность практически несовместима с демократией. То, как бедность сокращает шансы на успешную демократизацию, можно проиллюстрировать еще и посредством подсчета предсказанных вероятностей срыва демократизации при разных уровнях экономического развития¹. Вследствие этого, показатель ВНД представляет собой важное значение как статистически значимый структурный фактор успеха демократического транзита. Иерархический кластерный анализ показателей валового национального дохода изучаемых государств демонстрирует следующая дендрограмма (рис. 5).

Анализируя данные кластерного анализа, можно выделить две группы стран². Первую группу авторы называют «богатые» страны с наибольшим показателем ВНД на душу населения (Чехия, Словакия, Венгрия, Польша), одновременно эти же государства являются наиболее демократическими, так как они завершили демократический транзит на стадии «консолидированной демократии». Вторую группу авторы определили как «бедные» с наименьшим показателем ВНД на душу населения (Румыния, Болгария, Молдавия, Белоруссия,

¹ *Haerpfer C.W. Democratization. Oxford University Press, 2009.*

² *Macrotrends / GNI Per Capita. 2010–2020. URL: <https://www.macrotrends.net/> (дата обращения: 24.04.2020).*

кратизация затрудняется из-за высокого уровня неравенства по двум причинам. Во-первых, экономические ресурсы могут быть преобразованы в политические. Таким образом, концентрация экономической власти может дать элитам возможность препятствовать политическим реформам, расширяющим права и свободы граждан. Во-вторых, экономическое неравенство может вызвать недовольство и фрустрацию среди бедных, размывая чувство общности и легитимность власти, на основе которого, как считается, зиждется демократия¹.

Данную точку зрения поддерживал Мартин Липсет, утверждавший в своем труде «Политический человек, социальные основания политики», что для построения стабильной демократии необходим не только достаточный уровень богатств, но и определенная социальная структура общества. Рост богатства, по М. Липсету, также влияет на политическую роль среднего класса, меняя конфигурацию классовую структуру с удлиненной пирамиды, в основании которой многочисленный низший класс, на ромбовидную фигуру с растущим средним классом. Многочисленный средний класс смягчает конфликт, поддерживая умеренные и демократические партии и противодействуя экстремистским группировкам.

Политические ценности и стиль жизни высших слоев общества также связаны с национальным доходом. Чем беднее страна и ниже уровень жизни низших классов в абсолютном выражении, тем сильнее давление на высшие слои, заставляющее их относиться к низшим слоям как

¹ *Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale Univ. Press, 2007.*

к плебейским, стоящим ниже от рождения, и как к низшей касте, выходящей за рамки человеческого общества. Резкое различие в образе жизни между занимающими положение наверху пирамиды и теми, кто находится у ее основания, делает это психологически неизбежным. Поэтому высшие слои общества в такой ситуации склонны относиться к политическим правам низших слоев как к чему-то абсурдному и безнравственному. Мало того, что высшие слои сами по себе противостоят демократии, их зачастую высокомерное политическое поведение служит источником усиления экстремистских реакций со стороны низших классов. В отсутствие развитого среднего класса рождается непримиримое противостояние элит и бедноты, что дает импульс центробежным тенденциям, разрушающим демократию.

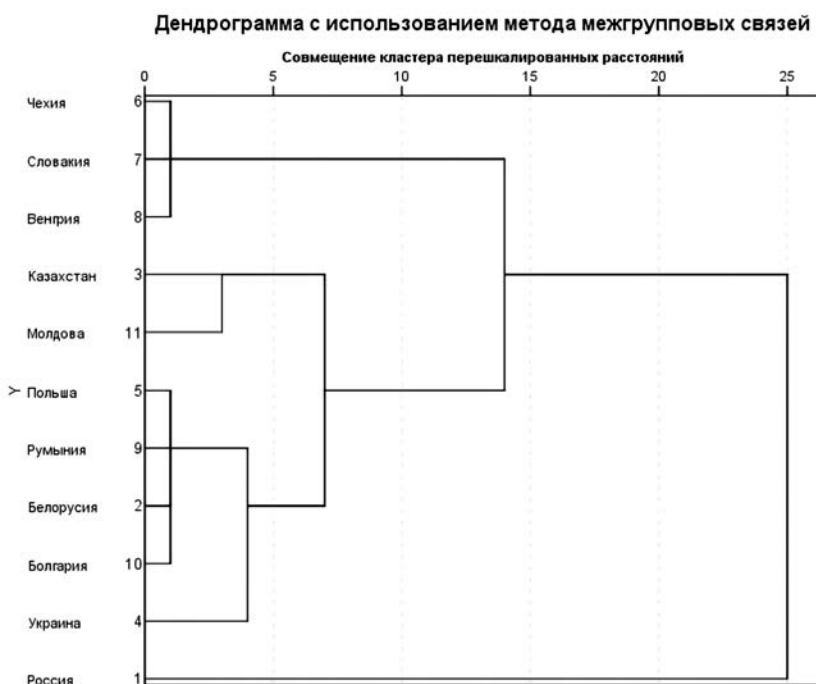
Помимо прочего, среднему классу в большей степени присуще воспроизводство ценностей, подходящих для нормального демократического развития. Мартин Липсет указывал, что установки типа «быть хорошим гражданином» и «выполнять свой долг как избирателя» ассоциируются с мировоззрением среднего класса, в то же время цинизм или апатия по отношению к политике связаны с нонконформизмом беднейших классов¹.

Признавая важность среднего класса как социального и политического предохранителя, был проведен сравнительный анализ описываемых государств по уровню неравенства, где в качестве основного показателя используется индекс Джини². По итогам кластеризации была получена

¹ *Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.*

² World Bank 2020b. GINI Index. Indexmundi (blog). 2020. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/>.

следующая дендрограмма (рис. 6), анализируя показатели которой можно заключить, что наиболее демократические государства (Венгрия, Чехия, Словакия) объединились в кластер государств с наименьшим уровнем неравенства, а страны, испытывавшие проблемы с построением консолидированной демократии (за исключением Польши), объединились в кластер государств с наибольшим разделением между бедными и богатыми слоями населения (Казахстан, Молдавия, Румыния, Белоруссия, Болгария, Украина, Польша). Особняком на данной дендрограмме стоит Россия, которая характеризовалась с 1995 по 2001 год наибольшими показателями неравенства среди всех описываемых государств.

Рис. 6. Индекс Джини

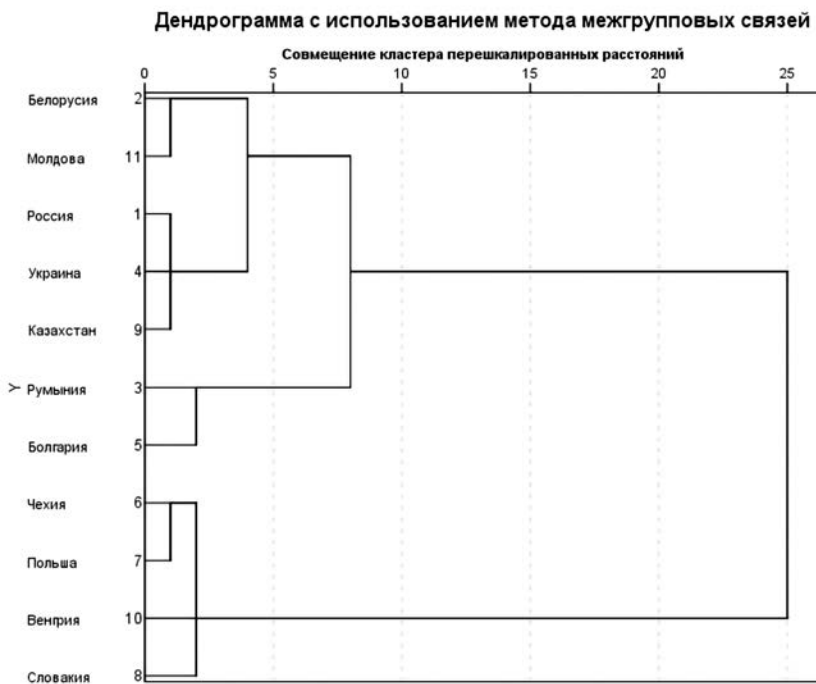
Еще одним значимым социально-экономическим фактором является степень распространения коррупции в государстве. Патрик Бернхаген описывал угрозы для демократизации, которые несет в себе «сращивание» бизнес-элит и государственной власти. Так, политически влиятельное бизнес-сообщество может препятствовать развитию, поощряя рентоориентированное поведение и вынуждая правительство отказываться от необходимых программ по борьбе с бедностью, уменьшению неравенства и эффективной защите демократических завоеваний, тем самым затрудняя ход демократического транзита¹.

Коррупция также наносит существенный вред демократии, снижая качество государственно-административных институтов, что провоцирует разочарование среди общества и подталкивает его к поиску альтернативных моделей политического развития, склоняя к авторитарной модели «сильной руки», которая поможет навести порядок. Подобной точки зрения придерживался С. Хантингтон, который писал: «Систематическая неспособность демократических режимов действовать эффективно может подрвать их легитимность»².

Для оценки уровня коррумпированности государств был использован показатель «Контроль коррупции», созданный в рамках долгосрочного проекта Всемирного банка «Мировые индикаторы государственного управления» (*Worldwide Governance Indicators — WGI*). По итогам кластерного анализа показателей «контроля

¹ Haerpfer C.W. *Democratization*. Oxford University Press, 2009.

² Huntington S.P. *Democracy's Third Wave* // *Journal of Democracy*. 1991. 2 (2): 12–34.

Рис. 7. «Контроль коррупции» (индекс WGI)

коррупции» была получена следующая дендрограмма (рис. 7). Анализируя ее показатели, можно выделить несколько кластеров, объединяющих описываемые государства¹: первый — наименее коррумпированные и по совместительству страны консолидированной демократии (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия); второй — государства, в той или иной мере подверженные коррупции и при этом не преуспевшие на поприще построения консолидированной демократии (Белоруссия,

¹ World Bank. 2020a. Control of Corruption: Estimate. 2020. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=worldwide-governance-indicators>.

Молдавия, Россия, Украина, Казахстан, Румыния, Болгария). Внутри кластера «коррупцированных» государств можно выделить наиболее коррупцированные государства (Украина, Казахстан, Россия), «средне»-коррупцированные (Белоруссия, Молдавия) и государства с «умеренным» уровнем коррупции (Румыния, Болгария).

Таким образом, социально-экономические факторы (уровень богатства, неравенства и коррупции) во многом предопределили ход демократического транзита в описанных государствах. Так, абсолютно по всем трем показателям страны консолидированной демократии (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) занимают лидирующие позиции. Именно в этих государствах зафиксированы наибольшие показатели ВНД на душу населения с 1991 по 2000 год, индекса «Контроль коррупции», наивысший индекс которого (2,5) соответствует низкой степени «захвата» государства элитами и частными интересами, и наименьшие показатели индекса Джини, что говорит о низком уровне неравенства и наличии широкой прослойки среднего класса.

В странах электоральной демократии, гибридных и авторитарных политических режимов ситуация в 1990-е и начале 2000-х годов складывалась диаметрально противоположным образом. В изучаемых странах СНГ, а также на Балканах, ввиду широкого экономического и социального кризиса, поразившего данные государства, зафиксированы низкие показатели ВНД на душу населения, что свидетельствует о его бедности, и отрицательные значения индекса «Контроль коррупции» — данный факт говорит о коррупцированности органов

государственной власти, и высокие показатели индекса Джини, измеряющего уровень неравенства в обществе.

2.3. КУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ

В отличие от экономических и политических факторов, культурные структуры трудно поддаются подсчету. Однако многие политические эксперты уделяют им большое значение в процессе изучения становления демократии. Барри Вейнгаст полагал, что для стабильности демократии необходимо, чтобы граждане имели некий общий взгляд на то, какие действия государства считать нелегитимными, и были готовы противостоять всякой его попытке перейти дозволенные границы, если таковые установлены¹.

Адам Пшеворский, Хосе Антонио Чейбуб и Фернандо Лимонджи в своем исследовании «Культура и демократия» выделяют следующие аспекты политической культуры, которые имеют значение для демократии: первое — люди ценят демократию как таковую, независимо от ее результатов; второе — люди считают своим долгом подчиняться демократическим правилам игры, на которые они сами «согласились»; третье — некоторые представления людей о ценностях и, возможно, особенности их темперамента, способствуют демократии, формируют «демократическую личность», сюда же относятся и «республиканские добродетели»: доверие, сопереживание, толерантность, умеренность и терпение; четвертое — демо-

¹ Weingast B. The Political Foundations of Democracy and the Rule of the Law // American Political Science Review. 1997. 91 (2): 245–63.

кратию делают возможной не столько общность взглядов, сколько совместная деятельность: отсюда и «консенсус». Если люди не имеют общих базовых характеристик, таких как язык, религия или же этническая принадлежность, то у них мало общего для того, чтобы поддерживать демократию¹.

Также среди политических исследователей были те, кто детерминировал модернизацию религиозным фактором. Так, Рональд Инглегарт и Уэйн Е. Бейкер в своем исследовании «Модернизация, культурные изменения и устойчивость традиционных ценностей» составили «карту культур», при помощи которой выявили, что культурные паттерны протестантских, англоговорящих стран и стран католической Европы в большей степени соответствуют идеалам демократии, модернизации, самовыражения, доверия и развития². Анализируя данную карту, можно выявить, что страны с неудавшейся демократизацией (Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Болгария, Румыния) расположены отдельно, вдалеке от изучаемых консолидированных демократий (Польша, Венгрия, Словакия, Чехия).

В данном случае авторы предпочли ограничивать культурные контексты национальными политическими культурами, невзирая на их религиозную принадлежность, и исходить из утверждений А. Пшеворского, Х.А. Чейбуба и Ф. Лимонджи о том, что, во-первых, доказательство взаимосвязи между цивилизациями и де-

¹ *Arizpe L.* World Culture Report 2000: Cultural Diversity, Conflict and Pluralism. Paris: Unesco, 2000.

² *Inglehart R., Wayne B.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. 65 (1): 19.

мократией методом *ex-post* представляется чересчур примитивным, во-вторых, в любой культуре, включая протестантизм, можно обнаружить элементы, кажущиеся как совместимыми, так и несовместимыми с демократией, в-третьих, на протяжении истории все религиозные традиции вполне успешно сочетались с самыми разными политическими режимами, в-четвертых, традиции не установлены раз и навсегда, а постоянно создаются и пересматриваются¹.

Прежде чем рассматривать составляющие политической культуры, необходимо рассмотреть факторы, оказывающие влияние на ее формирование, и провести компаративистский анализ среди описываемых государств относительно данных факторов. Так, «модель привыкания» Данкварта Растоу предполагает, что люди учатся ценить демократические свободы лишь при наличии некоторого опыта их практического использования. Это означает, что демократические институты предшествуют позитивному оцениванию демократии. С этой точки зрения положительная оценка демократических свобод оказывается эндогенной наличию демократических институтов и не является причиной их установления. Поскольку придание ценности демократическим свободам самим по себе возможно лишь при наличии устойчивых демократических институтов, модернизация неспособна породить продемократические ценности, если она протекает при отсутствии названных институтов².

¹ Даль Р., Шатири И., Чейбуз Х.А. Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006.

² Haerpfer C.W. Democratization. Oxford University Press, 2009.

Точку зрения, согласно которой для успешной демократизации необходимо достаточное количество граждан, имеющих «демократический опыт» жизни в рамках демократического политического режима, развивал М. Липсет в своем исследовании «Политический человек». Изучая паттерны политического поведения, Мартин Липсет пришел к выводу, что политическое поведение (и политическая культура в целом) детерминировано поколенческими различиями и различиями в типичных моделях социального опыта, связанного с разными возрастными этапами: юностью, зрелостью и старостью¹. Цитируя Й. Шумпетера: «Никакое десятилетие в истории политики, религии, технологии, живописи, поэзии и чего угодно никогда не содержит своего собственного объяснения. Чтобы понимать события, вам следует рассмотреть период намного большей протяженности. Не сделать этого — верный признак дилетантизма», — М. Липсет обосновывал точку зрения, согласно которой историческое прошлое оказывает непосредственное влияние на разные модели политического поведения².

Так, согласно его исследованию, имеет место длительное постоянство паттернов политической приверженности и долговременная преемственность в лояльности каким-либо конкретным политическим группировкам, которая сохраняется, невзирая на изменения в проблемах общества или в роли различных партий. В некоторых обстоятельствах политическая лояльность может дополни-

¹ *Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.*

² *Schumpeter J. The Decade of the Twenties // American Economic Review Supplement. 1946. 36 (6): 1–10.*

тельно укреплять институты и сантименты, привязанные к данной социальной структуре, которые иначе могли бы потерять свой смысл и важность.

Обобщая концепции Д. Растоу и М. Липсета, можно утверждать, что, при наличии в посткоммунистических государствах «тоталитарной лояльности» прежним политическим институтам, которая проявляла себя в поведении политических акторов и являла собой структурный фактор, влияющий на успех демократии в описываемых государствах, проведение демократического транзита сталкивается с существенными трудностями еще на этапе либерализации общественных отношений. Операционализировать степень «тоталитарной лояльности» авторы предлагают при помощи измерения количества лет существования коммунистического режима на момент начала демократического транзита и возраст самого «младшего» жителя, который «застал» демократический политический режим в сознательном возрасте. Важным моментом является наличие в государстве поколения, заставшего (хотя бы в молодом возрасте) демократический режим, которому на смену пришла коммунистическая диктатура. Как писал М. Липсет: «Позднее отрочество (подростковый возраст и ранняя юность) создает общую систему взглядов и ценностной ориентации, в рамках которой люди склонны рассматривать весь свой последующий политический опыт»¹.

Если рассматривать точкой начала демократического транзита в посткоммунистических государствах 1985 год, то можно выделить несколько кластеров: первый — го-

¹ *Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.*

сударства, где демократия (в том числе и номинальная) была ликвидирована в 1939 г., с началом Второй мировой войны (Польша, Чехословакия, Венгрия); второй — государства, где демократия была ликвидирована в 1917 г. (рассматриваемые страны бывшего СССР); отдельно стоит Румыния (и Молдавия, являвшаяся ее частью с 1918 г.), где в апреле 1938 года парламент был распущен и установлена королевская диктатура. Авторы допускают, что даже в странах, где демократический режим формально сохранялся и во время Второй мировой войны, в условиях военного или полувоенного положения нормальное функционирование демократических механизмов становится невозможным.

Необходимо отметить, что в странах консолидированной и электоральной демократий (за исключением Украины) к 1985 г. тоталитарный режим существовал не более 47 лет, соответственно, самому младшему гражданину этих государств, который во взрослом возрасте застал демократический режим, должно быть не менее 65 лет. В то время как в описываемых государствах, где демократический транзит провалился (а также на Украине, которая достигла лишь «электоральной» демократии), коммунистический режим к 1985 г. существовал уже 68 лет, и самому младшему жителю, который «помнил» демократию (в данном случае под демократией авторы подразумевают электоральные практики Российской Империи, сложившиеся после 1905 г.), должно было быть не менее 86 лет. Сравнивая данные показатели, можно заключить, что страны Вышеградской группы и Балкан находились в более выгодных позициях по сравнению с постсоветскими государствами, так как, во-первых,

поколение 65-летних все еще является политическим субъектом (в отличие от граждан, чей возраст превышает 86 лет), во-вторых, в количественном отношении граждане 65-летнего возраста (и старше) являются значимой электоральной группой, способной в массе своей влиять на политический процесс, в то время как в процентном соотношении от общего числа жителей граждане старше 86 лет составляют менее обширную группу, чем 65-летние.

Переходя к изучению социально-экономических структур, влияющих на возможности укрепления демократического режима, первым рассматриваемым социально-культурным фактором авторы определили общую «лояльность» демократии. Согласно концепции Г. Алмонда и С. Верба для выживания демократии необходима гармонизация политической культуры и институциональных структур. Иными словами, необходима эмоциональная и оценочная лояльность среди разных групп населения по отношению к органам государственной власти. Только гармонизированная политическая культура порождает стабильные политии. И наоборот — фрагментация политической культуры (т.е. ориентация тех или иных страт общества на разные политические модели) приводит к политической нестабильности¹. Данную мысль развивал Луис Хартц, согласно концепции которого для имплементации демократических практик необходим «естественный либерализм», т.е. иррациональная приверженность демократическим проце-

¹ *Almond Gabriel A., Sidney Verba. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Calif: Sage Publications, 1989.*

дурам и «моральное единодушие» общества в отношении либеральных ценностей¹.

Операционализировать понятие «лояльность» демократии авторы предлагают при помощи данных опросов ассоциации *World Values Survey* (данные за 1995–1999 годы), проведенных примерно в 80 странах с 1981 по 2014 год. Опросы WVS являются валидным инструментом изучения политической культуры, массовых убеждений и изменений ценностей, рекомендуемым множеством именитых политологов².

Датабазы WVS содержат проценты респондентов, ответивших на вопросы относительно их членства в политических партиях (*active/inactive membership of political party*), их мнения об эффективности демократии и защищенности от нестабильности (*democracies are indecisive and have too much squabbling*), о том, насколько демократии хороши в поддержании порядка (*democracies aren't good at maintaining order*), об общем одобрении демократии (*democracy may have problems but is better*), насколько хороша демократическая политическая система (*political system: having a democratic political system*), кто предпочтительнее — жесткий или сотрудничающий политический лидер (*firm party leader vs. cooperating party leader*), насколько «плох» коммунистический *ancien régime* (*rate political system as it was before*). Обобщенные ответы на эти вопросы содержатся в «Приложении». Вопрос о членстве в партиях авторы добавили, опираясь на концепцию Г. Алмонда и С. Верба, согласно ко-

¹ Даль Р., Шапиро И., Чейбул Х.А. Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006.

² Haerpfer C.W. Democratization. Oxford University Press, 2009.

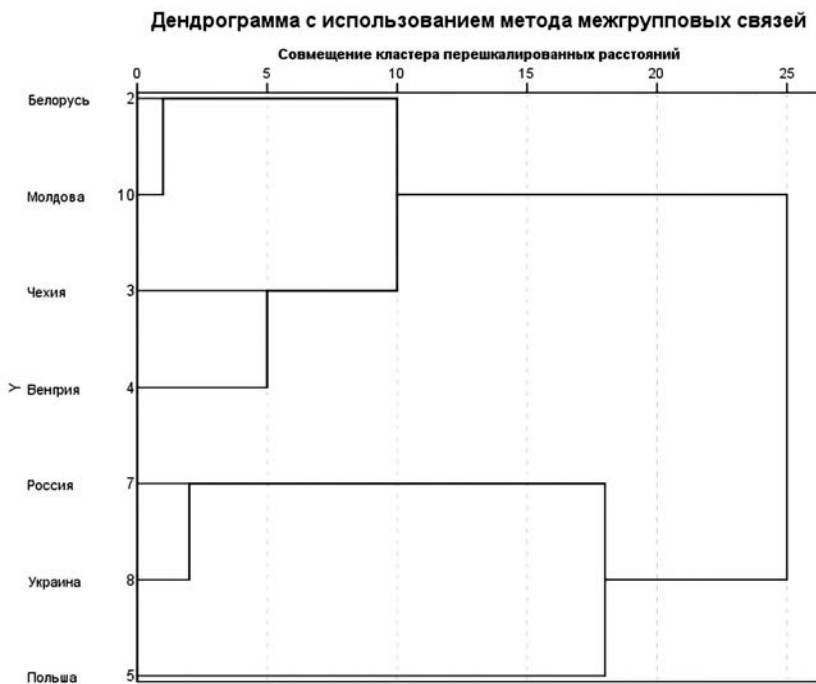
торой формальное членство в политических движениях само по себе увеличит перспективы индивида относительно того, что он сам поверит в собственную способность влиять на органы власти и фактически осуществит какую-либо подобную попытку, утвердив собственную политическую компетентность, которая является неотъемлемой частью гражданской культуры¹.

По итогам кластеризации данных опроса WVS за 1995–1999 годы (во время консолидации наиболее важного периода демократического транзита) авторы получили следующую дендрограмму (рис. 8), анализируя которую можно выделить четыре кластера: первый — страны, наиболее лояльные демократии (Чехия и Венгрия, сюда же можно добавить Словакию, если экстраполировать имеющиеся ответы); второй — страны, «скорее лояльные демократии» (Белоруссия, Молдавия, сюда же, путем экстраполяции ответов, можно отнести Болгарию и Румынию); третий кластер — страны, скорее нелояльные демократии (Россия и Украина). Особняком на дендрограмме расположена Польша, занимающая, скорее, «промежуточную» позицию. Наиболее демократические страны (Венгрия, Чехия, Словакия) одновременно являются наиболее «лояльными» данному политическому режиму, а страны, испытывавшие затруднения с консолидацией демократической системы (за исключением Польши), так или иначе проявляли свою «нелояльность» демократии².

---

¹ Almond Gabriel A., Sidney Verba. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Calif: Sage Publications, 1989.

² WVS. 2020. Online Data Analysis. World Values Survey (blog). 2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.

Рис. 8. Кластерный анализ стран относительно их «лояльности» демократии

Следующим социально-культурным фактором, анализируемым авторами применительно к посткоммунистическим странам, станет «интерес к политике». О необходимости политической социализации через проявление интереса к политическим процессам, формирования достаточной степени информированности о политических процессах, обсуждения политических тем с друзьями и т.д. писали Г. Алмонд и С. Верба в своем трактате «Гражданская культура»¹.

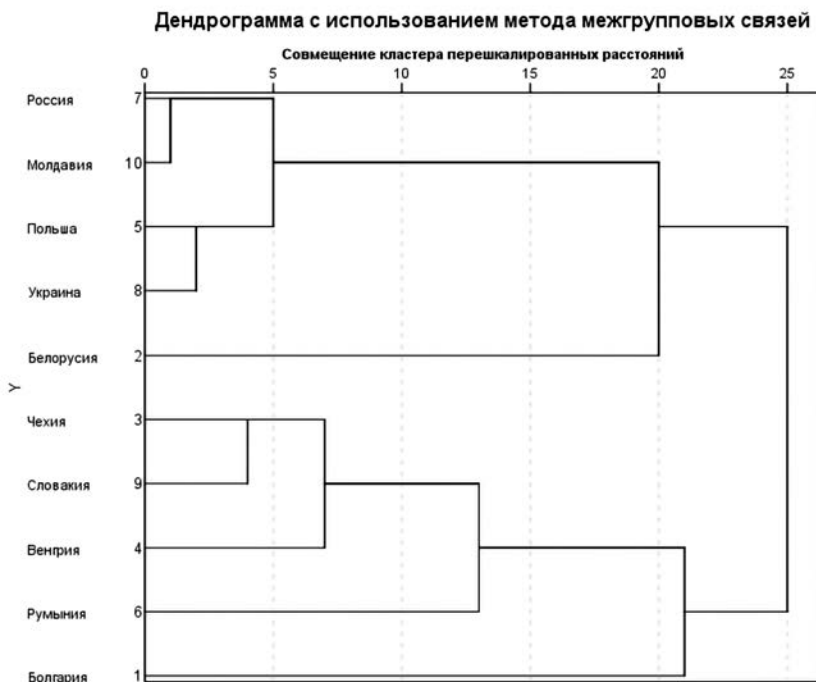
¹ WWS. 2020. Online Data Analysis. World Values Survey (blog). 2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.

В блок WVS касательно интереса к политике входят вопросы о важности политики в жизни респондентов (*important in life: politics*), о частоте обсуждения политики (*how often discusses political matters with friends*), о степени интереса к политике (*interest in politics*), о том, насколько благотворна для общества конкурентная модель (*competition good or harmful*), насколько люди ориентированы на сотрудничество и кооперацию (*good human relationships*), а также каков процент общества к отметке от 0,7 до 1 по шкале эмансипативных ценностей К. Вельцеля (*Welzel emancipative values*).

По итогам кластерного анализа данных WVS авторы получили следующую дендрограмму (рис. 9), анализируя которую можно выделить два явных кластера при нескольких странах, к ним тяготеющих¹: первый кластер — страны, население которых не проявляло активного интереса к политике (Россия, Молдавия, Польша, Украина), к этому же кластеру «тяготеет» Белоруссия; второй кластер — страны, проявляющие наибольший интерес к политике (Чехия, Словакия, Венгрия), к этому же кластеру «тяготеют» Румыния и Болгария. Необходимо отметить, что ко второму кластеру принадлежат наиболее демократические страны и режимы «электоральной» демократии, в то время как к первому — страны, провалившие демократический транзит (Россия и Белоруссия), и оставшиеся «электоральные» демократии (за исключением Польши).

Третьим социально-культурным фактором станет «участие в политике» гражданами описываемых госу-

¹ WWS. 2020. Online Data Analysis. World Values Survey (blog). 2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.

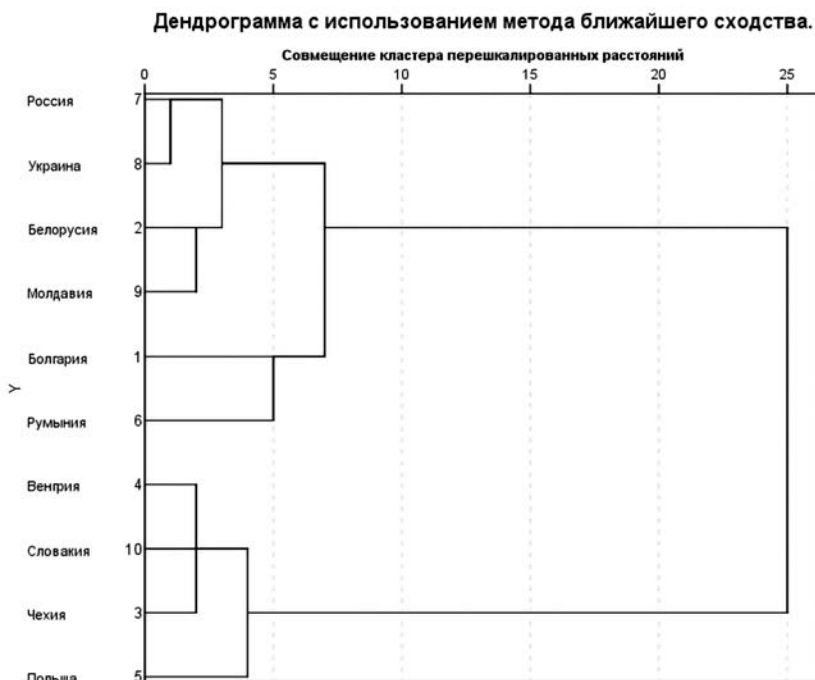
Рис. 9. Кластеризация государств по уровню их интереса к политике

дарств. Важность участия в политике для консолидации демократического режима постулировал Джеймс Брайс в своем исследовании «Современные демократии»: «Существенным ингредиентом удовлетворительной демократии является то, что значительная доля жителей должна обладать опытом активного участия в работе политических групп, будь то в связи с местными органами власти, профсоюзами, кооперативными или другими формами деятельности»¹.

¹ Bryce J. *Modern Democracies*. New York: The Macmillan company, 1921.

Операционализировать степень участия авторы предлагают при помощи следующих вопросов базы данных WVS: участвовали ли вы / могли бы поучаствовать в бойкоте (*political action: joining in boycotts*), мирной демонстрации (*political action: attending lawful / peaceful demonstrations*), несогласованной забастовке (*political action: joining unofficial strikes*), подписании петиции (*political action: signing a petition*).

По итогам кластеризации авторы получили следующую дендрограмму¹ (рис. 10).

Рис. 10. Кластеризация государств по уровню их участия в политике

¹ WVS. 2020. Online Data Analysis. *World Values Survey* (blog). 2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.

Изучая данную дендрограмму (см. рис. 10), можно выделить два обширных кластера: первый — страны с высокой долей «участвующего» в политике населения (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), одновременно эти страны относятся к «консолидированным» демократиям по итогам демократического транзита; второй — страны с низкой долей «участвующих» в политике граждан (Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Болгария, Румыния), страны автократических или гибридных режимов, а также страны, остановившиеся в своей политической модернизации на этапе «электоральной» демократии.

Последним социально-культурным структурным фактором, рассматриваемым авторами в рамках данной научно-исследовательской работы, является доверие граждан к государственным и общественным институтам. Согласно концепции Габриэля Алмонда и Сиднея Верба, изложенной в их труде «Гражданская культура», для нормального функционирования демократической системы парадоксальным образом поведение граждан должно быть одновременно и активистским, и подданническим. Гарри Экстайн называл это «сбалансированными несоответствиями». С одной стороны, демократические власти и правительство должны править — обладать могуществом и лидерством, а также принимать решения. С другой стороны, они должны быть под постоянным контролем политически активных граждан. В противном случае, государство или полностью утратит связь со «входом», если пользоваться терминологией Д. Истона (т.е. гражданским обществом), или скатится в анархию и падет под натиском центробежных сил. Таким образом,

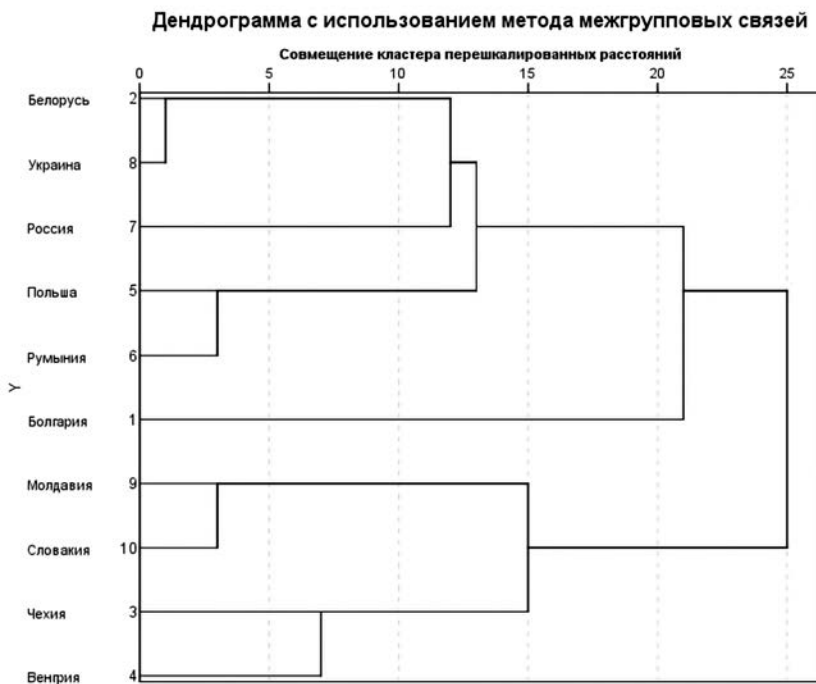
демократического гражданина Г. Алмонд и С. Верба призывают преследовать противоречащие одна другой цели: он должен быть активным, но вместе с тем и пассивным, вовлеченным, но вместе с тем вовлекаться не слишком сильно, влияющим, но вместе с тем почтительным¹.

Операционализировать доверие государственным институтам авторы будут при помощи все той же датабазы WVS, где содержатся данные о доверии граждан описываемых государств армии, судам, парламенту, бюрократическому аппарату, государству в целом, полиции, партиям². По итогам кластеризации авторами была получена следующая дендрограмма (рис. 11): авторы выделяют два крупных кластера: первый — страны, в большей степени доверяющие государственным институтам: за исключением Молдавии в него входят «консолидированные» демократии — Словакия, Чехия, Венгрия; второй — страны, граждане которых не доверяют своим институтам: за исключением Польши в него входят страны, испытывавшие затруднения на протяжении демократического транзита, — Белоруссия, Украина, Россия, Румыния, Болгария.

Таким образом, авторы заключают, что социально-культурные факторы оказали существенное влияние на ход демократического транзита как политически значимые структуры, хотя их влияние менее очевидно, чем воздействие экономических и политико-государственных движущих сил демократии. Так, граждан стран, которые

¹ *Almond Gabriel A., Sidney Verba. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Calif: Sage Publications, 1989.*

² WVS. 2020. Online Data Analysis. *World Values Survey* (blog). 2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.

Рис. 11. Кластеризация стран по уровню их доверия государственным институтам

по итогам демократического транзита пришли к консолидированным демократиям (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), в 1995–1999 годы в большинстве своем отличает общая «лояльность» демократии, проявление интереса к политике и готовность этот интерес отстаивать, а также уважение к политическим и государственным институтам своих государств.

Жители стран, которые или свернули демократический транзит, или «застряли» на уровне неконсолидированных демократий, наоборот, менее лояльны демократии, чем их западные соседи, более склонны к политическому абсен-

теизму и безразличию к политическим вопросам, кроме того, они отличаются меньшим доверием к органам государственной власти.

Глава 3

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРОЦЕДУР И РЕЗУЛЬТАТОВ ТРАНЗИТА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Специфика политических трансформаций состоит в неопределенности их результатов, которая вызвана постоянно меняющейся комбинацией факторов, зависимости и влияние которых далеко неочевидны. Для интерпретации полученных результатов нами применялся метод построения лепестковых диаграмм, который позволит выявить степень зависимости демократического транзита от зрелости акторных и структурных факторов.

3.1. УСПЕШНАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: ДОСТАТОЧНОСТЬ ПРЕДПОСЫЛОК ТРАНСФОРМАЦИИ

Проведенный авторами количественный анализ доказал, что наиболее значимыми факторами, влияющими на консолидацию демократического режима, являются ВНД на душу населения и индекс Джини. В случае увеличения ВНД на душу населения на 1\$ показатель *Polity IV* увеличивается на 0,005 пункта, а в случае увеличения коэффициента Джини на 1 пункт индекс *Polity IV* уменьшается на 1,7 пунктов. При этом показатель неравенства (индекс Джини) примерно на 10% более значим, чем общее экономическое развитие (ВНД на душу населения). Полученные статистические данные укладываются

ются в парадигму Аристотеля, который выдвинул предположение о связи демократии с преобладанием в классовой структуре общества «средних» граждан¹.

Тот факт, что гипотеза, которой более 2000 лет, до сих пор остается в силе, не внушает политического оптимизма, поскольку отсюда следует, что политическая деятельность должна быть направлена, в первую очередь, на обеспечение экономического развития. Однако не следует впадать в неоправданный пессимизм. Демократия существовала в самых разных обстоятельствах, даже если она, как правило, поддерживалась ограниченной совокупностью условий². Для придания модели успеха демократии большей объективности важно определить тот оптимум условий, который позволил странам консолидированной демократии достичь его. С этой целью будет определен вес каждого из них в зависимости от результатов иерархического кластерного анализа, и по итогам построена соответствующая лепестковая диаграмма.

Анализируя данные диаграммы, необходимо отметить, что успех демократического транзита в странах Вышеградской группы был предопределен взвешенным поведением политических акторов и благоприятными политическими, экономическими и социально-культурными условиями. Подобную модель, характеризующуюся высокими показателями по всем параметрам, можно назвать «органичной» (рис. 12–15). Единственное исключение составляет Польша, где (как видно на рис. 12) заметно «проседают» социально-культурные факторы, однако

¹ *Аристотель*. Политика. М.: РИПОЛ классик, 2010.

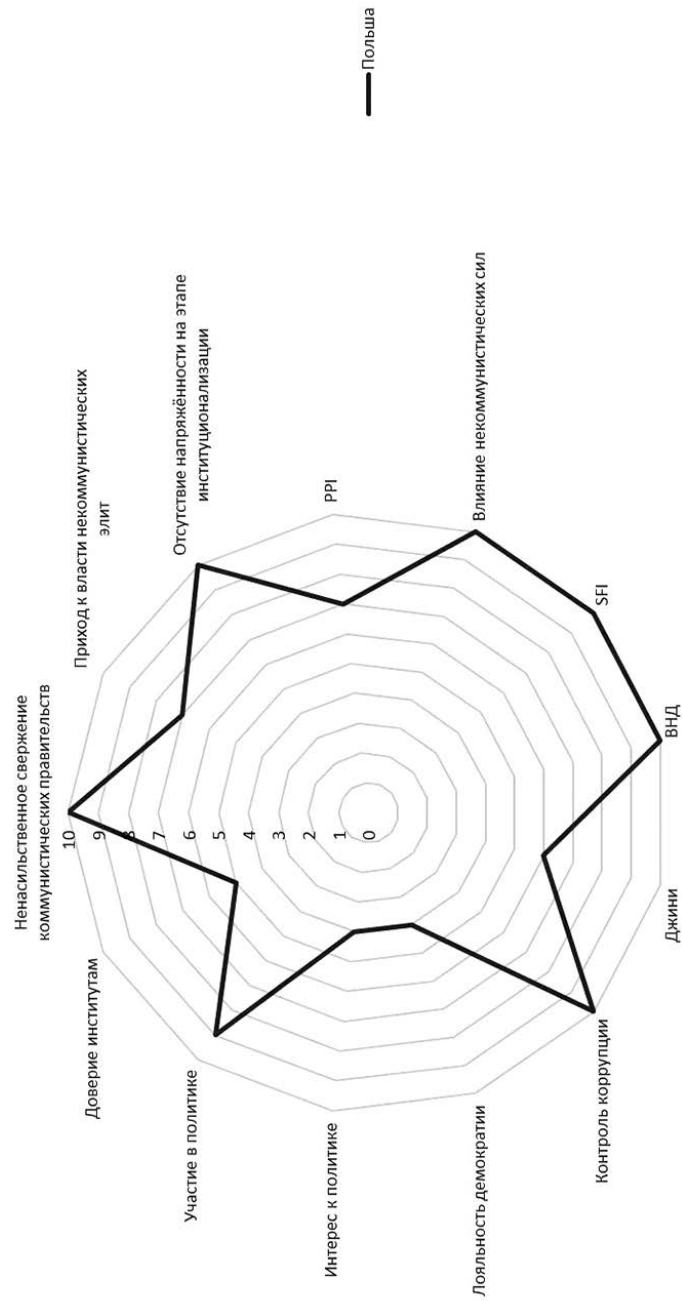
² *Lipset S.M.* Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.

данное затруднение компенсируется более значимыми показателями подушевого ВНД и наличием широкого слоя среднего класса.

3.2. МОДЕЛЬ НЕЗАВЕРШЕННОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

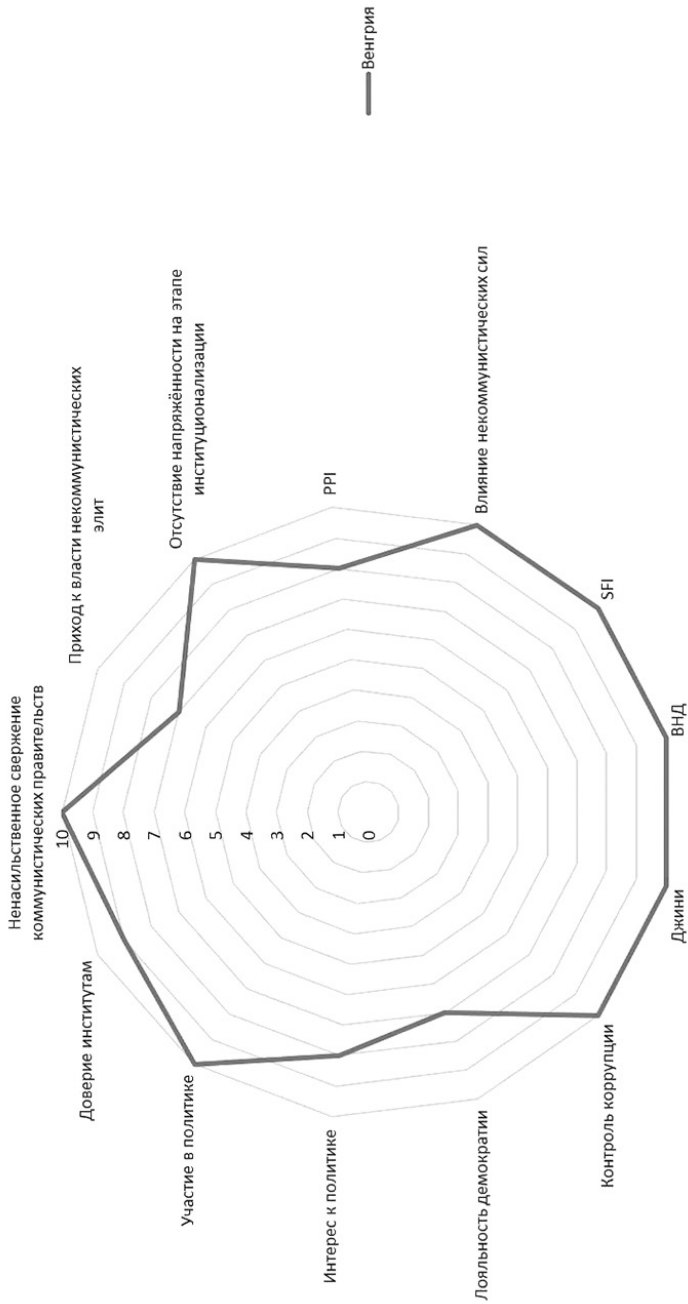
Политическая трансформация в посткоммунистических государствах имела не только разные стартовые условия, но и различный алгоритм поведения элитных групп, стратегию и технологию политического реформаторства, модели желаемого будущего, принципы политического развития, что привело к разным итогам демократического транзита. Так, Болгария, Румыния, Молдавия и Украина не завершили демократический транзит на этапе консолидированной демократии (в отличие от стран Вышеградской группы), остановившись на уровне электоральной или неконсолидированной демократии. Что явилось причинами построения модели незаконченного демократического транзита?

Анализируя полученные лепестковые диаграммы (рис. 16, 17, 18, 19), можно заметить, что, в отличие от аналогичных диаграмм «консолидированных демократий», для неконсолидированной модели характерно множество «неровностей», которые свидетельствуют о девиациях акторных и структурных факторов. Подобного рода модель, где многие предпосылки транзита отсутствовали, можно определить как «неорганичную». Например, в Румынии насильственный переход к демократии «компенсируется» низким влиянием некоммунистических сил в политическом пространстве. Болгарию характеризуют низкие показатели ВНД при одновременно высокой доле

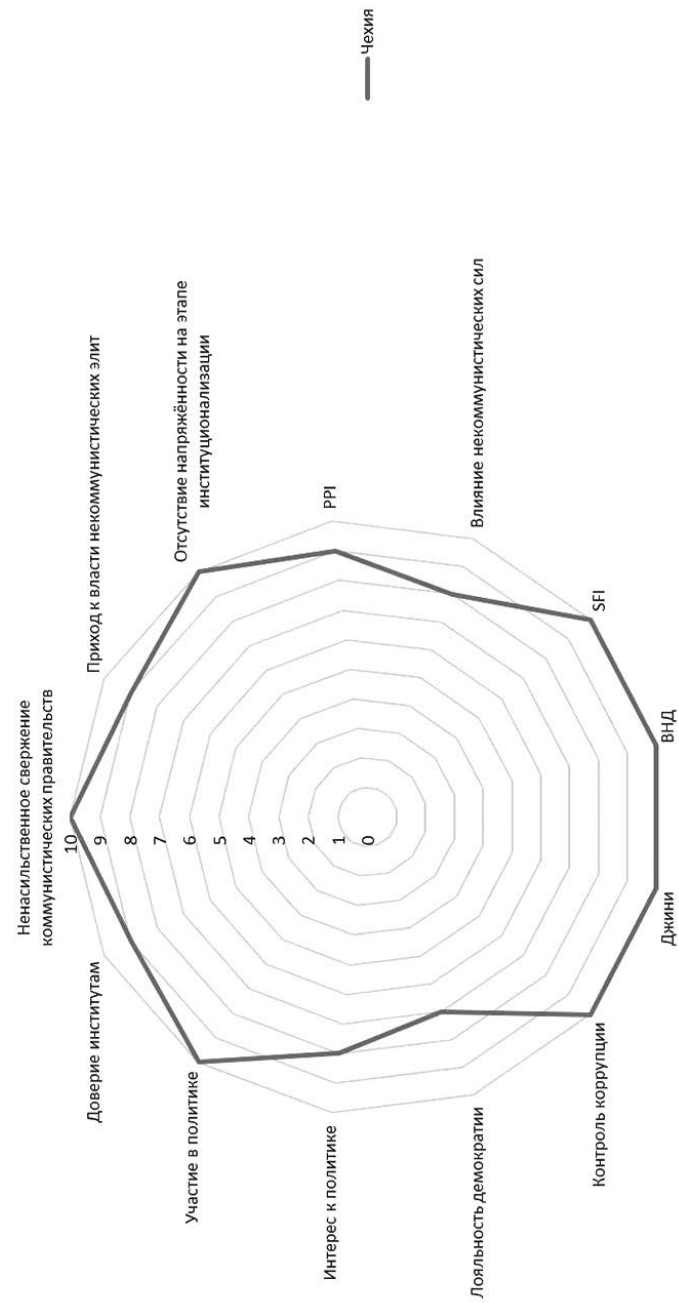

Рис. 12. Модель успешного демократического транзита в Польше

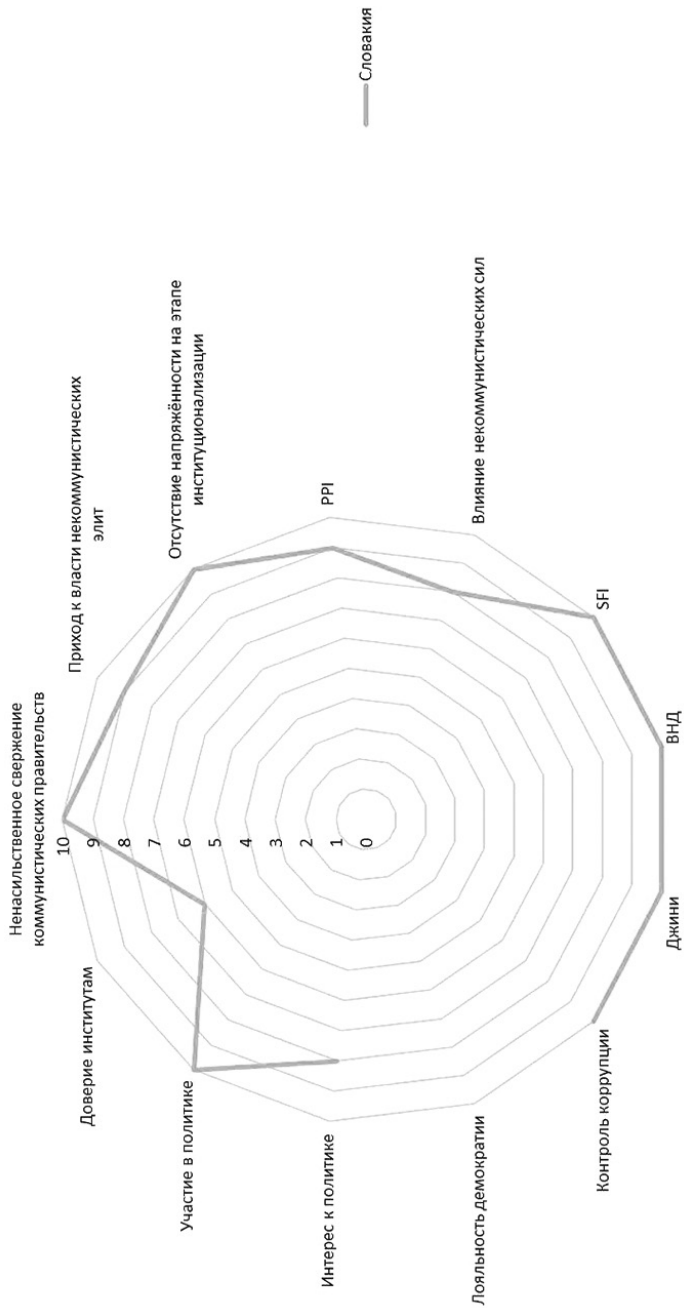

Рис. 13. Модель успешного демократического транзита в Венгрии

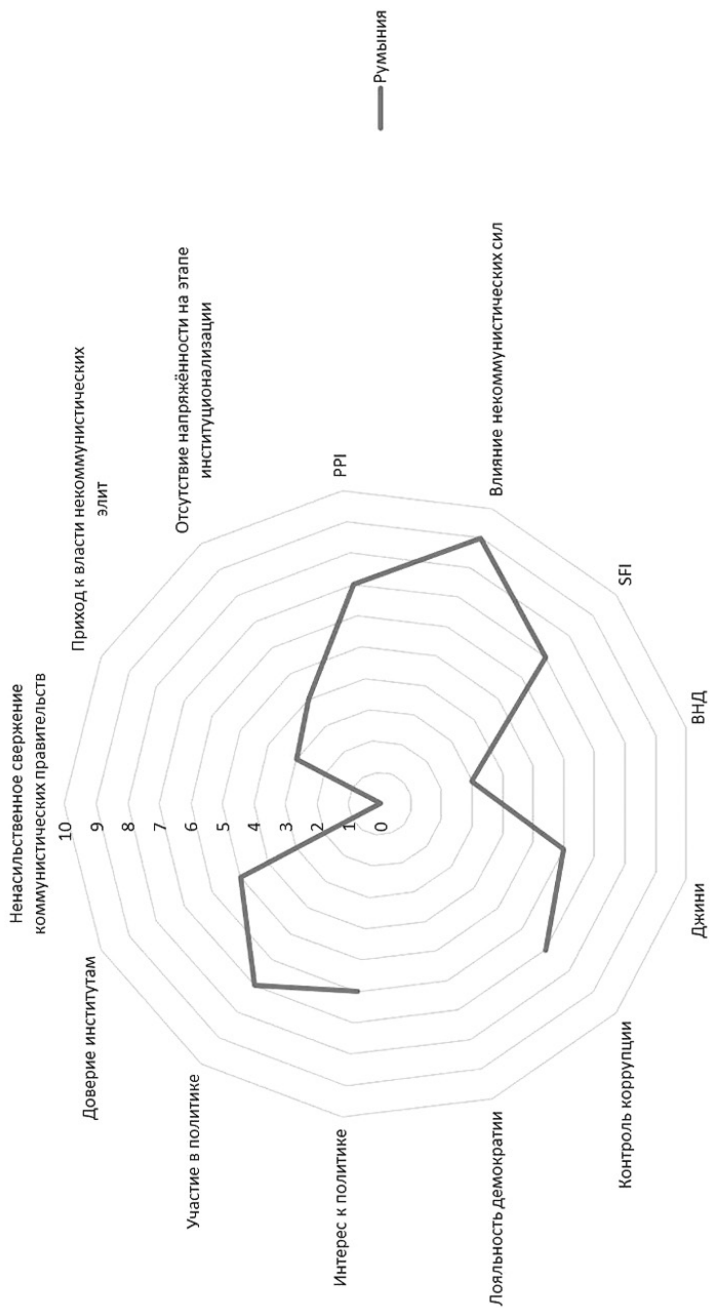
Рис. 14. Модель успешного демократического транзита в Чехии

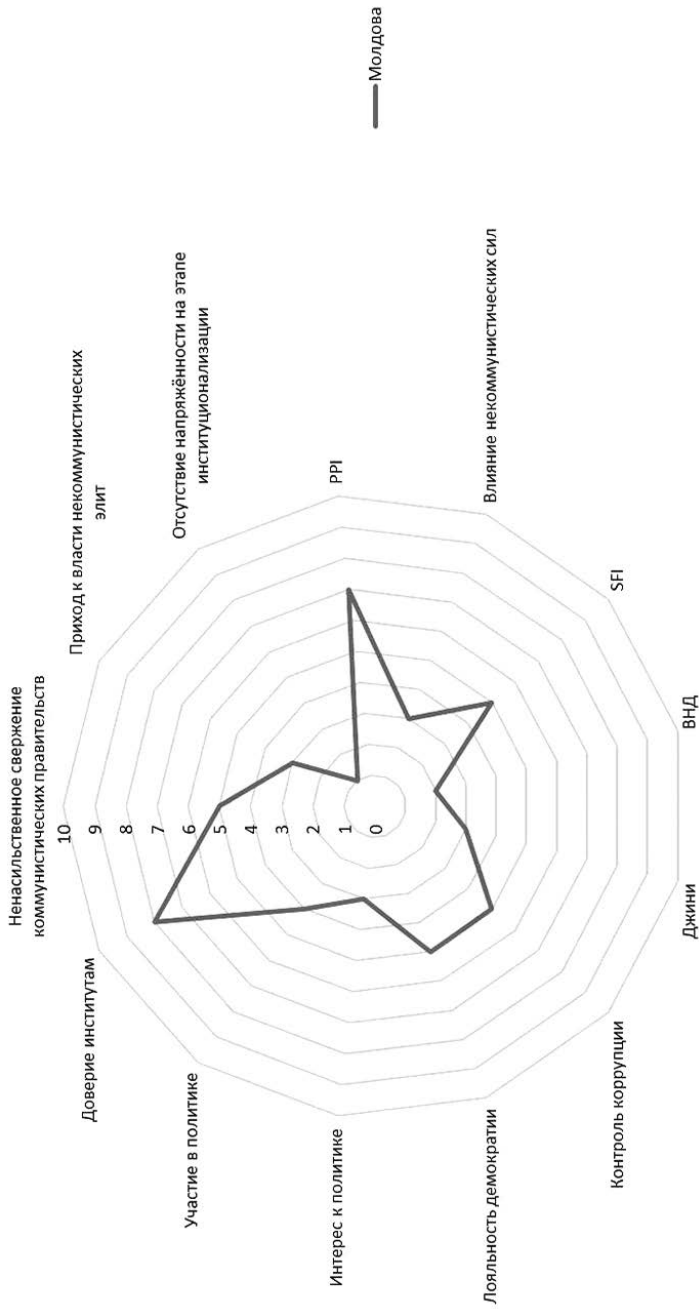
Рис. 15. Модель успешного демократического транзита в Словакии

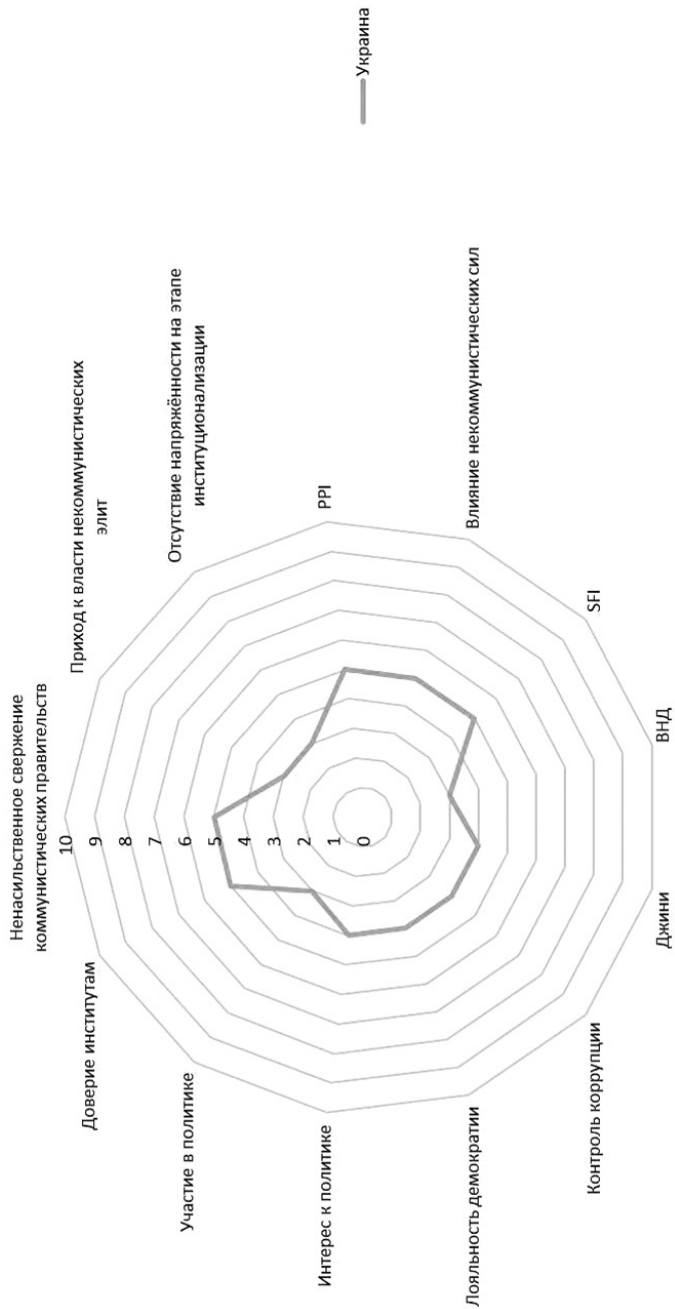
Рис. 16. Модель незаконченного демократического транзита в Болгарии

Рис. 17. Модель незаконченного демократического транзита в Румынии

Рис. 18. Модель незаконченного демократического транзита в Молдавии

Рис. 19. Модель незаконченного демократического транзита на Украине

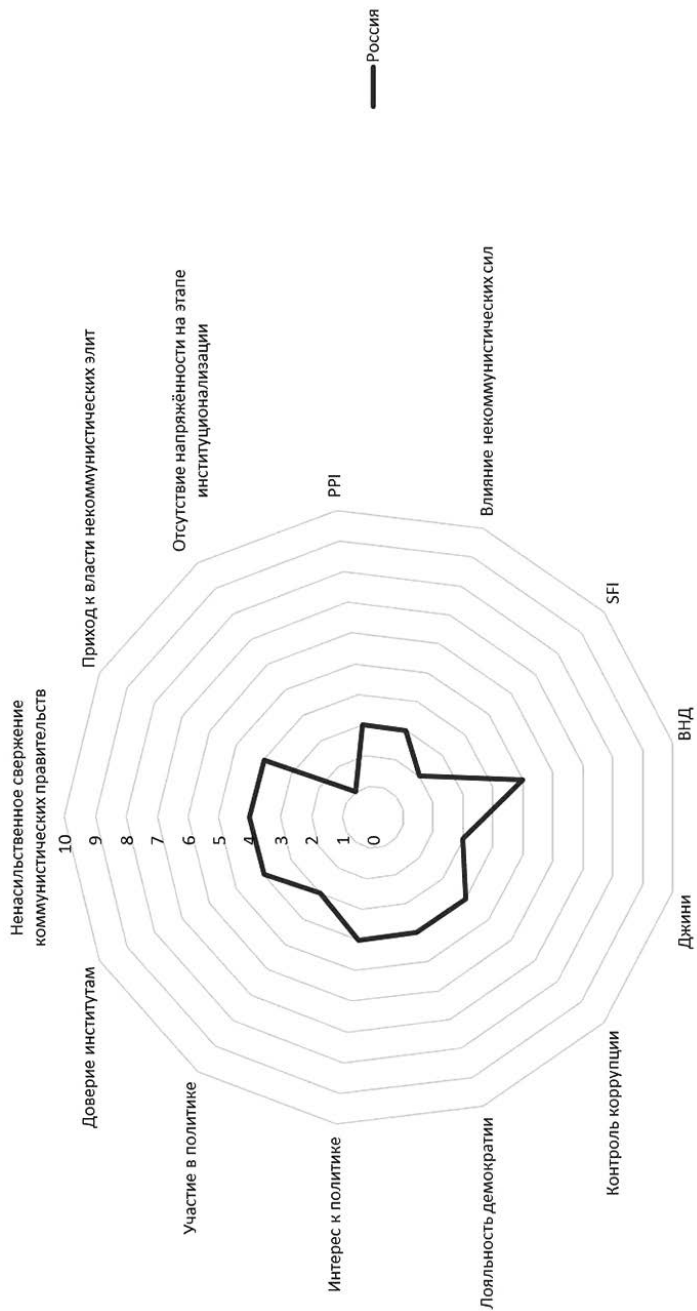
участвующих в политике и слабым влиянием реакционеров в парламенте. Напряженность во время демократического транзита в Молдавии «компенсирует» высокая степень доверия граждан государственным институтам, а на Украине низкие показатели всех значимых факторов спасает их равномерность.

3.3. МОДЕЛЬ СУВЕРЕННОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Модели перехода демократии формируются на основе заимствования логики и алгоритма западной модернизации, по сценарию которой элиты этих стран проводили транзит. С точки зрения западных экспертов в Белоруссии, Казахстане и Российской Федерации (рис. 20, 21, 22) установлена модель провалившегося демократического транзита. Хотя подобное утверждение достаточно спорно, поскольку после провала этапа копирования западного транзита в 90-х гг. XX в. национально-ориентированные элиты стали реализовывать *модель суверенного транзита*. На период 90-х гг. XX в., анализируя полученные в результате визуализации факторов лепестковые диаграммы, авторы отмечают, что все три «провалившиеся» демократии характеризуются низкими значениями практически по всем показателям. Так, в России, несмотря на больший ВНД на душу населения, чем в Казахстане и Украине, фиксируется огромное неравенство и, по сути, отсутствие среднего класса — «станового хребта» демократии, а также значительный уровень напряженности и общей «хрупкости» государства.

Похожие проблемы испытывали Казахстан и Белоруссия, где ситуация усугублялась тем фактом, что

Рис. 20. Модель управляемого демократического транзита в России

Рис. 21. Модель управляемого демократического транзита в Беларуси

Рис. 22. Модель управляемого демократического транзита в Казахстане

к власти пришли элиты, которые отказались от политической модернизации на начальном этапе демократического транзита. Подобную модель, где все показатели стремятся к нулю, к одной точке, можно именовать «точечной». В описываемых трех государствах показатели многих факторов, значимых для укрепления демократии, в 1990-х годах оставались на низком уровне. Так, в России индикатору «Отсутствие напряженности на этапе институционализации демократических практик» было присвоено значение «один» из-за гражданского противостояния 1993 года, а в Белоруссии и Казахстане «один» получил показатель *Parliamentary Power Index* (PPI) — из-за слабого и политически несубъектного парламента, обладающего в разы меньшим объемом полномочий, чем в остальных описываемых государствах.

Заключение

Sic semper tyrannis

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Причины успеха, частичного успеха или провала демократического транзита в посткоммунистических европейских странах позволяет объяснить современная транзитология. В ее рамках можно выделить «универсальные» законы, следование которым необходимо для успешного демократического транзита, и рассмотреть влияние локальных практик в государствах, которые не относятся к консолидированным демократиям.

2. Для успешного демократического транзита необходимы соответствующие *стартовые условия*. Польша, Венгрия и Чехословакия относились, в большей мере, к посттоталитарным режимам: в них появились «вторая экономика» и «вторая культура», стало возможным существование политически субъектного диссидентства. Власти этих государств к концу 1980-х годов потеряли интерес к политической мобилизации населения, которая постепенно ушла в частную жизнь. Частично к данному типу обществ можно отнести Болгарию. Подобным общественным устройствам присущ ряд общих черт, обусловленных самой сутью разрушаемого в них тоталитаризма: устранение полной зависимости общества и человека от власти и постепенное восстановление гражданского общества, конец господства идеократии и моноидеологии, развитие плюрализма мнений и гласности, раз-

рушение механизма репрессий и освобождение граждан от постоянного страха. В то время как Румынию и СССР к 1985 г. можно охарактеризовать как менее свободные государства, в большей степени тяготеющие к авторитаризму.

3. Успешный демократический транзит обусловлен выбором правильной *стратегии* либерализации, демократизации, консолидации, реализация которой зависит от действий субъектов демократического транзита — элит, контрэлит и гражданского общества. В странах ныне консолидированной демократии — Польше, Венгрии, Чехии и Словакии — представители оппозиции и коммунистических режимов смогли прийти к консенсусу относительно будущего политического и социально-экономического развития посредством так называемых «круглых столов». Население этих стран, в свою очередь, поддержало демократические политические силы, что отразилось на результатах голосования на первых свободных выборах, определивших состав legislatures указанных государств. Отношение оппозиции и «старой» коммунистической элиты в балканских государствах и СССР было менее безоблачным. Либерализация оказалась сопряжена с подчас кровавым противостоянием между посткоммунистической «номенклатурой» и революционно настроенными демократами. Это привело к развитию центробежных тенденций, вносило элемент дестабилизации при строительстве нового режима, что мешало дальнейшей институционализации демократических практик. Дополнительные осложнения возникали из-за того, что поддержка демократических реформ на Балканах и в странах СНГ подчас не была настолько

высокой, как в странах Вышеградской группы. Из-за экономических неурядиц и неэффективных экономических реформ многие слои общества были «исключены» из новой социально-экономической системы, пополняя ряды политических сил, разочаровавшихся в демократии.

4. Для успешного демократического транзита необходимо «сотрудничество» элит и широких масс населения для преодоления нестабильного периода перестройки основных государственных институтов. Напряженность между элитами и обществом на этапе институционализации демократического транзита, рост взаимного недоверия и крушение «иллюзий» относительно наступления нового более справедливого общества рождает политические, социальные и подчас этно-религиозные кризисы, препятствующие консолидации нового демократического режима. На протяжении 1990-х гг. Балканы и страны СНГ характеризуются повышенной конфликтностью и взаимным недоверием между политическим классом и обществом, что значительно тормозило ход демократических реформ, в отличие от более стабильных Чехии, Словакии, Венгрии и Польши.

5. Успешный демократический транзит обусловлен взаимодействием *структуры* его движущих сил и их *положительной* динамикой. К данным структурам относят: отсутствие серьезных дестабилизирующих факторов внутри государства, влияние национального парламента как ветви власти и конфигурацию политических сил внутри него, уровень экономического развития, наличие значительной и влиятельной прослойки «среднего класса», политическую ответственность и общее качество политических элит, лояльность к демократии и интерес

к политике, сопряженный с готовностью активного участия в политической жизни общества, среди широких слоев населения, а также высокую степень доверия к государственным институтам. Указанные факторы успешной консолидации демократического политического режима в большей степени проявили себя среди членов Вышеградской группы по сравнению с Балканами и СНГ.

6. В итоге, можно констатировать, что Польша, Венгрия, Чехия и Словакия, следуя «универсальным» практикам демократического транзита, пришли к консолидированной демократии, встав на один уровень со «старыми» демократиями Западной Европы. В них одновременно были обеспечены институциональные, экономические и культурные модернизационные предпосылки. Данную модель демократического транзита можно определить как «органическую», так как перечисленные страны характеризуют высокие показатели всех значимых факторов демократического преобразования во всех сферах жизни.

Болгария, Румыния, Молдавия и Украина не завершили свой переход к демократии, остановившись на этапе неконсолидированной демократии, — наравне с государствами Латинской Америки. Для этой группы политический процесс сопряжен с политическими катаклизмами, неэффективностью государственного и административного аппарата и коррумпированностью властвующих элит. Эту модель их демократического транзита можно определить как «неорганическую», где наличие отдельных факторов политической модернизации обеспечивалось за счет каких-либо других показателей. Так, в Румынии слабое влияние некоммунистических

сил в политике обусловлено кровавым переворотом 1989 года.

Третья группа стран: Россия, Белоруссия и Казахстан на рубеже XX–XXI вв. «не вписываются» в концепцию западного демократического транзита из-за несоответствия подавляющего количества его показателей. Однако это не отменяет возможности существования иных моделей и стратегий построения современной экономической и политической системы, которая может быть более успешной в условиях турбулентности и нарастающего социокультурного разнообразия XXI века. Ее можно условно назвать «моделью суверенного транзита», который сочетает достоинства западной модернизации и привносит социально-ориентированный дискурс во все изменения.

Библиографический список

1. *Almond G.A.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations [Text] / G.A. Almond, S. Verba. — Calif: Sage Publications, 1989.
2. *Arizpe L.* World Culture Report 2000: Cultural Diversity, Conflict and Pluralism [Text] / L. Arizpe. — Paris: Unesco, 2000.
3. *Bryce J.* Modern Democracies [Text] / J. Bryce. — New York: The Macmillan company, 1921.
4. *Dahl R.* Polyarchy: Participation and Opposition [Text] / R. Dahl. — Repr. New Haven: Yale Univ. Press, 2007.
5. *Dahl R.* On Democracy [Text] / R. Dahl. — London: Yale University Press, 2000.
6. *Diamond L.* Developing Democracy: Toward Consolidation [Text] / L. Diamond. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
7. *Ellis M.S.* Purging the Past: The Current State of Lustration Laws in the Former Communist Bloc [Electronic resource] / M.S. Ellis // Law and Contemporary Problems. — 1996. — Vol. 59. — No. 4. — P. 181–96. — JSTOR. — URL: <https://doi.org/10.2307/1192198>.
8. *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994 [Text] / J. Finn. — New York: Freedom House, 1994.
9. *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1994–1995 [Text] / J. Finn. — New York: Freedom House, 1995.
10. *Finn J.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1993–1994 [Text] / J. Finn. — New York: Freedom House, 1994.
11. *Fish M.S.* Stronger Legislatures, Stronger Democracies [Text] / M.S. Fish // Journal of Democracy. — 2006. — № 17 (1). — P. 5–20.

12. *Haerpfer C.W.* Democratization [Text] / C.W. Haerpfer. — Oxford: Oxford University Press, 2009.
13. *Huntington S.P.* Democracy's Third Wave [Text] / S.P. Huntington // Journal of Democracy. — 1991. — № 2 (2). — P. 12–34.
14. *Huntington S.P.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century [Text] / S.P. Huntington. — London: University of Oklahoma press, 1993. — C. 124–152.
15. *Inglehart R.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values [Text] / R. Inglehart, B. Wayne // American Sociological Review. — 2000. — № 65 (1). — P. 19.
16. ISNSCR. 2020. State Fragility Index [Electronic resource] // Integrated Network for Societal Conflict Research (blog). — 2020. — URL: <https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html>.
17. *Kaplan R.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1995–1996 [Text] / R. Kaplan. — New York: Freedom House, 1996.
18. *Karatnycky A.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1997–1998 [Text] / A. Karatnycky. — New York: Freedom House, 1998.
19. *Karatnycky A.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties, 1996–1997 [Text] / A. Karatnycky. — New York: Freedom House, 1997.
20. *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration [Text] / A. Lijphart. — New Haven: Yale Univ. Press, 1980.
21. *Lipset S.M.* Political Man: The Social Bases of Politics [Text] / S.M. Lipset. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.
22. Macrotrends [Electronic resource] // GNI Per Capita. — 2010–2020. — URL: <https://www.macrotrends.net/> (дата обращения: 24.04.2020).
23. *Mainwaring S.* Presidentialism, Multipartyism, and Democracy: The Difficult Combination [Text] / S. Mainwaring //

- Comparative Political Studies. — 1993. — № 26 (2). — P. 198–228.
24. *McColm B.* Freedom in the World. Political Rights & Civil Liberties 1989–1990 [Text] / B. McColm. — Boston: Freedom House, 1990. — C. 125.
  25. *McColm B.* Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1992–1993 [Text] / B. McColm. — New York: Freedom House, 1993.
  26. *O'Donnell G.* Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies [Text] / G. O'Donnell, P. Schmitter. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.
  27. *Przeworski A.* Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America [Text] / A. Przeworski. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
  28. *Rabushka A.* Politics in plural societies: a theory of democratic instability [Text] / A. Rabushka, K. Shepsle. — Columbus; Ohio: Merrill, 1972.
  29. *Ross E.J.* The Language of Social Research [Electronic resource] / E.J. Ross, P.F. Lazarsfeld, M. Rosenberg // The American Catholic Sociological Review. — 1955. — № 16 (3). — C. 220. — URL: <https://doi.org/10.2307/3709486>.
  30. *Schumpeter J.* The Decade of the Twenties [Text] / J. Schumpeter // American Economic Review Supplement. — 1946. — № 36 (6). — P. 1–10.
  31. *Weingast B.* The Political Foundations of Democracy and the Rule of the Law [Text] / B. Weingast // American Political Science Review. — 1997. — № 91 (2). — P. 245–263.
  32. World Bank. 2020a. Control of Corruption: Estimate. 2020 [Electronic resource]. — URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=worldwide-governance-indicators>.
  33. World Bank. 2020b. GINI Index [Electronic resource] // Indexmundi (blog). — 2020. — URL: <https://www.indexmundi.com/facts/>.

34. WWS. 2020. Online Data Analysis [Electronic resource] // World Values Survey (blog). — 2020. — URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>.
35. Аристотель. Политика [Текст] / Аристотель. — М.: РИПОЛ классик, 2010.
36. *Ахременко А.С.* Политический Анализ и Прогнозирование [Текст]: в 2 ч. Ч. 2: учебник и практикум для вузов / А.С. Ахременко. — М.: Юрайт, 2019.
37. *Ахременко А.С.* Политический Анализ и Прогнозирование [Текст] / А.С. Ахременко. — М.: Гардарики, 2006. — С. 139–146.
38. *Даль Р.* Теория и практика демократии. Избранные тексты [Текст] / Р. Даль, И. Шапиро, Х.А. Чейбуб. — М.: Ладомир, 2006.
39. *Мельвиль А.* Условия демократии и пределы демократизации: факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа [Текст] / А. Мельвиль, Д. Струкал // Полис. — 2011. — № 123 (3). — С. 164–183.
40. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2015.

Приложения

Приложение 1

РРІ и уровень демократии *Polity IV* в 2001 году — в конце демократического транзита¹

Страна	РРІ	Polity IV
Белоруссия	0,28	-7
Болгария	0,78	8
Чехия	0,78	10
Венгрия	0,69	8
Казахстан	0,31	-4
Молдавия	0,72	7
Польша	0,66	9
Румыния	0,72	8
Россия	0,44	5
Словакия	0,72	10
Украина	0,5	6
Корреляция Пирсона	0,9	

---

¹ *Fish M.S.* Stronger legislature, stronger democracies // Journal of Democracy. 2006. № 1 (1). P. 5–20.

Данные об институциональных характеристиках политических режимов согласно индексу Polity IV¹

Страна	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Россия	0	1	2	3	5	3	3	3	3	3	3	5
Белоруссия	7	7	7	7	7	0	-7	-7	-7	-7	-7	-7
Украина	6	6	6	6	4	7	7	7	7	7	7	6
Казахстан	-3	-3	-3	-3	-3	-4	-4	-4	-4	-4	-4	-4
Польша	5	6	8	8	8	8	8	9	9	9	9	9
Венгрия	6	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
Чехия	4	8	8	8	8	8	10	10	10	10	10	10
Словакия	4	8	8	7	7	7	7	7	9	9	9	9
Румыния	5	5	5	5	5	5	5	6	8	8	8	8
Болгария	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Молдавия	5	5	7	7	7	7	7	7	7	7	7	8

¹ Рейтинг Polity IV / Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 2005–2020. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (дата обращения: 23.04.2020).

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Россия	1	1	1	1
Белоруссия	2	2	2	2
Украина	3	3	1	1
Казахстан	4	4	3	2
Польша	5	3	1	1
Венгрия	5	3	1	1
Чехия	5	3	1	1
Словакия	5	3	1	1
Румыния	3	3	1	1
Болгария	5	3	1	1
Молдавия	3	3	1	1

**Влияние некоммунистических реакционных сил
в национальном парламенте¹**

Страна	Созыв 1	Созыв 2	Созыв 3	Созыв 4	Созыв 5	Созыв 6
Россия	0,5	1	1	0,5	0,5	1
Белоруссия	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Украина	0,5	1	1	0,5	0,5	0,5
Казахстан	0,5	0,5	1	0	0	0,5
Польша	0,5	0	0	0	0	0
Чехия	0,5	0,5	0,5	0	0	0
Венгрия	0,5	0	0	0	0	0
Словакия	0,5	0	0,5	0	0	0
Болгария	0	0	0	0	0	0
Румыния	0,5	0	0	0	0	0
Молдавия	0	1	1	1	1	1

¹ 0 — коммунистические движения не прошли в парламент, 0,5 — коммунистические движения прошли в парламент, но не набрали 20% голосов, 1 — коммунистические движения набрали 20% голосов или более.

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Россия	1	1	1	1
Белоруссия	2	1	1	1
Украина	1	1	1	1
Казахстан	3	2	1	1
Польша	4	3	2	2
Чехия	4	3	2	2
Венгрия	4	3	2	2
Словакия	4	3	2	2
Болгария	4	3	2	2
Румыния	4	3	2	2
Молдавия	5	4	3	1

Индекс хрупкости государств (*State Fragility Index*)¹

Страна	SFI 1995	SFI 1996	SFI 1997	SFI 1998	SFI 1999	SFI 2000	SFI 2001	SFI 2002	SFI 2003	SFI 2004	SFI 2005
Россия	10	9	10	10	11	10	10	11	10	10	9
Белоруссия	4	4	5	6	6	6	5	6	6	6	4
Украина	5	5	5	6	6	6	5	5	5	6	6
Казахстан	10	10	9	11	11	11	10	9	8	9	9
Польша	3	2	2	2	2	2	1	1	1	0	0
Чехия	1	1	1	1	1	1	1	2	0	0	0
Словакия	4	4	4	3	2	2	2	2	1	1	1
Венгрия	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0
Румыния	9	8	8	8	8	8	8	8	8	6	6
Болгария	8	8	8	8	9	7	5	5	4	3	3
Молдавия	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5

¹ State Fragility Index / Integrated Network for Societal Conflict Research, 1995–2020. URL: <https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (дата обращения: 24.04.2020).

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Россия	1	1	1	1
Белоруссия	2	2	2	1
Украина	2	2	2	1
Казахстан	1	1	1	1
Польша	3	3	3	2
Чехия	3	3	3	2
Словакия	3	3	3	2
Венгрия	3	3	3	2
Румыния	4	4	2	1
Болгария	5	4	2	1
Молдавия	2	2	2	1

**Валовый национальный доход на душу населения
(U.S. dollars)¹**

Страна	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Россия	3440	3080	2920	2650	2640	2600	2650	2130	1750	1710
Бело- руссия	1790	1790	1600	1460	1370	1450	1530	1550	1400	1380
Казахстан	1430	1430	1430	1310	1280	1340	1390	1390	1290	1260
Украина	1520	1420	1230	1010	920	860	890	850	760	700
Польша	2090	2090	2480	2800	3240	3830	4230	4350	4430	4660
Чехия	3340	3340	3480	4140	5110	5950	6130	6080	6090	6330
Словакия	3400	3600	3800	4000	4200	5000	5400	5410	5360	5520
Венгрия	3000	3500	3700	4080	4300	4420	4460	4480	4550	4670
Румыния	1250	1250	1190	1270	1490	1640	1590	1580	1610	1710
Болгария	1620	1430	1250	1240	1510	1540	1560	1530	1480	1650
Молдавия	550	550	550	600	550	520	500	470	410	380

¹ Macrotrends / GNI Per Capita. 2010–2020. URL: <https://www.macrotrends.net/> (дата обращения: 24.04.2020).

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Россия	1	1	1	1
Белоруссия	2	2	2	1
Казахстан	2	2	2	1
Украина	2	2	2	1
Польша	3	3	3	2
Чехия	4	4	3	2
Словакия	5	4	3	2
Венгрия	5	4	3	2
Румыния	2	2	2	1
Болгария	2	2	2	1
Молдавия	2	2	2	1

Индекс Джини¹

Страна	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Россия	46,5	46,1	38,4	38,1	37,4	37,1	36,9
Белоруссия	33	33	33	32	31,7	31,2	30,6
Казахстан	36	35,4	35,5	35,6	35,7	35,8	36
Украина	39,3	35,2	34	33	32	31	29
Польша	30	30,5	31	31,5	32	32,5	33
Чехия	26	25,8	25,9	25,9	26	26	26
Словакия	25	25,8	25,9	26	26,1	26	26
Венгрия	27,9	27,9	28	28	28	28	28
Румыния	29	29,5	30	31	32	33	34
Болгария	32	32,5	32,6	32,7	32,8	33	33
Молдавия	36	36	36,9	39,5	42,6	36,4	38

¹ Indexmundi / GINI index (World Bank estimate). 2017–2020. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/> (дата обращения: 24.04.2020).

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Россия	1	1	1	1
Белоруссия	2	2	2	2
Казахстан	3	3	2	2
Украина	4	2	2	2
Польша	2	2	2	2
Чехия	5	4	3	2
Словакия	5	4	3	2
Венгрия	5	4	3	2
Румыния	2	2	2	2
Болгария	2	2	2	2
Молдавия	3	3	2	2

**Индекс «Контроль коррупции»
(Worldwide Governance Indicators — WGI)¹**

Страна	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Россия	-1,1	-1	-1	-0,9	-0,8	-0,8	-0,8	-0,9	-1	-1,1
Бело- руссия	-0,4	-0,4	-0,4	-0,7	-0,6	-0,8	-0,8	-0,6	-0,7	-0,6
Румыния	-0,4	-0,6	-0,5	-0,4	-0,4	-0,3	-0,2	-0,2	-0,2	-0,1
Украина	-1,1	-1,3	-1,1	-1,1	-0,9	-0,9	-0,7	-0,8	-0,8	-0,8
Болгария	-0,4	-0,2	-0,1	-0,2	0	0,1	0,1	-0,1	-0,2	-0,3
Чехия	0,7	0,6	0,2	0,4	0,5	0,4	0,5	0,4	0,3	0,4
Польша	0,7	0,8	0,7	0,4	0,4	0,1	0,3	0,3	0,3	0,5
Словакия	0,2	0,1	0,2	0	0,3	0,4	0,5	0,4	0,3	0,4
Казахстан	-1,1	-1	-1,1	-1,1	-1	-1,1	-1	-1	-1	-1
Венгрия	0,7	0,8	0,8	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,5
Молдавия	-0,4	-0,4	-0,7	-0,9	-0,8	-1	-0,7	-0,6	-0,7	-0,6

¹ World Bank / Control of Corruption: Estimate. 2020. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 25.04.2020).

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Россия	1	1	1	1
Белоруссия	2	2	1	1
Румыния	3	3	2	1
Украина	1	1	1	1
Болгария	3	3	2	1
Чехия	4	4	3	2
Польша	4	4	3	2
Словакия	5	4	3	2
Казахстан	1	1	1	1
Венгрия	4	4	3	2
Молдавия	2	2	1	1

Ответы респондентов об их «общей лояльности» демократии (WVS)¹

Страна	Процент респондентов-членов партии (%)	Процент считающих, что демократии защищены от нестабильности (%)	Процент соотносящих демократию и порядок (%)	Количество одобряющих демократию (%)	Процент предпочитающих «сотрудничать» (%)	Процент поддерживающих демократическую политическую систему (%)	Процент не одобряющих коммунистическое правление (%)
Болгария	5,7	34,5	-	-	-	-	46,3
Белоруссия	2,8	37	40,9	65,5	59,7	65,8	33,3
Чехия	6,7	39,3	52,2	84,8	78,5	86,4	54,6
Венгрия	3,4	45,5	59,5	73,7	68,5	83,4	34,9
Польша	1,1	14,3	20,3	68,1	65,7	75	53
Румыния	12	48,2	-	-	-	-	78,4
Россия	1,9	19,9	24,6	42,9	57,5	44,9	29,7
Украина	1,5	29,8	32,1	51,9	49,9	55,2	38
Словакия	-	-	58,5	-	81,4	87,8	-
Молдавия	2,9	31	44,5	66,4	71,2	77,7	26,5

¹ World Values Survey / Online Data Analysis, 1981–2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 27.04.2020).

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Белоруссия	1	1	1	1
Чехия	2	2	1	1
Венгрия	3	2	1	1
Польша	4	3	2	2
Россия	5	4	3	2
Украина	5	4	3	2
Молдавия	1	1	1	1

Интерес к политике (данные WVS)¹

Страна	Процент от- ветивших, что политика важна (%)	Процент часто обсуждающих политику (%)	Процент интересу- ющихся по- литикой (%)	Процент принад- лежащих к от- метке от 0,7–1 по шкале К. Вельцеля (%)	Процент пред- почитающих конкуренцию (%)	Процент одоб- ряющих кооперацию с окружаю- щими (%)
Болгария	24,7	70	42,3	10,3	61,2	41
Белоруссия	40,3	79,3	54,8	4,9	57	66,6
Чехия	25,5	80,9	55,8	20,4	69,5	60,7
Венгрия	27,1	72,4	49,7	11,8	64,5	64,5
Польша	30,1	67,6	42	8	47,5	60
Румыния	24,5	75	39,2	11,5	74,5	56,3
Россия	27,6	75,8	34,7	3,6	53,2	68,7
Украина	28,3	65	39,4	3,9	54,2	64,1
Словакия	28,1	79,8	57,8	11,1	67,7	53,4
Молдавия	27,7	74,2	34,6	3	57,4	62,5

¹ World Values Survey / Online Data Analysis, 1981–2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 27.04.2020).

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Болгария	1	1	1	1
Белоруссия	2	2	2	2
Чехия	3	3	3	1
Венгрия	3	3	3	1
Польша	4	4	2	2
Румыния	5	3	3	1
Россия	4	4	2	2
Украина	4	4	2	2
Словакия	3	3	3	1
Молдавия	4	4	2	2

Участие в политике (данные WVS)¹

Страна	Процент респондентов, которые могли бы/участвовали в бойкоте (%)	Процент респондентов, которые могли бы/участвовали в мирной демонстрации (%)	Процент респондентов, которые могли бы/участвовали в несогласованной забастовке (%)	Процент респондентов, которые могли бы/участвовали в подписании петиции (%)
Болгария	19,7	43,8	28,7	37,5
Белоруссия	21,2	49,3	14,6	36
Чехия	55,8	57,8	30,2	74,4
Венгрия	40,5	49,6	22,2	73,1
Польша	25,5	40,7	17,1	56,6
Румыния	16,7	63,6	23,9	52,3
Россия	22,5	51,6	15,8	44,5
Украина	20,2	47	10,6	41,5
Молдавия	14,7	49,7	12,9	32,9
Словакия	47,4	50,6	25,9	72,2

¹ World Values Survey / Online Data Analysis. 1981–2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 27.04.2020).

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Болгария	1	1	1	1
Белоруссия	2	2	2	1
Чехия	3	3	3	2
Венгрия	3	3	3	2
Польша	4	3	3	2
Румыния	5	4	1	1
Россия	2	2	2	1
Украина	2	2	2	1
Молдавия	2	2	2	1
Словакия	3	3	3	2

Доверие государственным институтам (данные WVS)¹

Страна	Процент доверяющих армии (%)	Процент доверяющих судам (%)	Процент доверяющих парламенту (%)	Процент доверяющих бюрократическому аппарату (%)	Процент доверяющих государству (%)	Процент доверяющих полиции (%)	Процент доверяющих партиям (%)
Болгария	75,8	35,6	42,2	42	56	48,2	26,7
Белоруссия	70,4	46,6	26,1	45,8	47,9	36,8	13,8
Чехия	42,2	28,4	19,8	38,3	29,8	43,4	14,3
Венгрия	56,5	50,6	37,4	50	42,4	55	19,1
Польша	75,1	48,3	31,1	31,2	36,2	51,3	11
Румыния	79,9	41,9	18,1	25,4	20,1	37,8	13
Россия	66,5	38	20,8	44,4	24,9	29,8	17,6
Украина	62,5	41,4	33,9	36,4	40,5	35,3	17,2
Молдавия	56,1	49,2	16,6	49,8	42,7	42,7	16,6
Словакия	57	40,9	21,1	38,9	41,5	41,5	21,1

¹ World Values Survey / Online Data Analysis, 1981–2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 27.04.2020).

Принадлежность к кластерам

Наблюдение	Кластеры 5	Кластеры 4	Кластеры 3	Кластеры 2
Болгария	1	1	1	1
Белоруссия	2	2	2	1
Чехия	3	3	3	2
Венгрия	3	3	3	2
Польша	4	2	2	1
Румыния	4	2	2	1
Россия	2	2	2	1
Украина	2	2	2	1
Молдавия	5	4	3	2
Словакия	5	4	3	2

Слова благодарности

При подготовке исследования мне помогало множество людей, однако наибольшим образом выпуску монографии на бумаге поспособствовали мои друзья:

Дмитриев Дмитрий Константинович

Питеркин Дмитрий Андреевич

Антонов Артём Евгеньевич

Потапкин Е.Г.

А.С. Янин

Федос Затонский-Петроградский

Юнеман Р.А.

Цейтлин Борис Александрович

Коньков Вадим Вячеславович

Хоменко Сергей Максимович

Коробов Дмитрий Константинович

Горобинский Михаил Владиславович

Выражаю им мою искреннюю признательность и благодарность за помощь и поддержку. Вы стали для меня не только меценатами и первыми читателями, но и главными вдохновителями на поприще научных трудов!

А.И. Жданов

Москва, сентябрь 2023 г.

Оглавление

Предисловие.....	4
Глава 1. Траектории посткоммунистического транзита: методология анализа	7
1.1. Методология анализа политических изменений.....	7
1.2. Либерализация как репрезентация разных сценариев будущего	10
1.3. Стратегии институционализации демократических практик	21
1.4. Консолидации демократии как процесс инвазии либеральных ценностей в политические практики.....	44
Глава 2. Универсальные и локальные практики демократического транзита: маркеры квантификации	53
2.1. Институциональные формы демократического транзита.....	53
2.2. Уровень благосостояния как гарантии против реверса демократии.....	66
2.3. Культурные детерминанты консолидации демократии	76
Глава 3. Неопределенность процедур и результатов транзита в посткоммунистических государствах	93
3.1. Успешная модель демократического транзита: достаточность предпосылок трансформации.....	93
3.2. Модель незавершенного демократического транзита.....	95
3.3. Модель суверенного демократического транзита	104
Заключение.....	109
Библиографический список	114
Приложение.....	118
Приложение 1. РРП и уровень демократии Polity IV в 2001 году — в конце демократического транзита	118
Приложение 2. Данные об институциональных характеристиках политических режимов согласно индексу Polity IV	119
Приложение 3. Влияние некоммунистических реакционных сил в национальном парламенте	121
Приложение 4. Индекс хрупкости государств (State Fragility Index)	123
Приложение 5. Валовой национальный доход на душу населения (U.S. dollars).....	125
Приложение 6. Индекс Джини	127

Приложение 7. Индекс «Контроль коррупции» (Worldwide Governance Indicators — WGI)	129
Приложение 8. Ответы респондентов об их «общей лояльности» демократии (WVS)	131
Приложение 9. Интерес к политике (данные WVS)	133
Приложение 10. Участие в политике (данные WVS)	135
Приложение 11. Доверие государственным институтам (данные WVS)	137
Слова благодарности	139

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Научное издание

**Мухаев Рашид Тазитдинович,
Жданов Андрей Игоревич**

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: ТРАЕКТОРИЯ И МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

МОНОГРАФИЯ

Редактор *А.Е. Саньков*

Дизайнер *И.А. Ткачев*

Оригинал-макет подготовлен в НИЦ ИНФРА-М

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29

E-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

Подписано в печать 21.11.2023.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,88.

Тираж 500 экз. Заказ № 00000

ТК 818345-2119115-211123

Отпечатано в типографии ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»

127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29